

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Иллюзия
греха

Каменская

Александра Маринина

Иллюзия греха

«Автор»

1996

Маринина А.

Иллюзия греха / А. Маринина — «Автор», 1996 — (Каменская)

ISBN 5-699-04904-5

Кто-то скрытно и пристально интересуется жизнью четверых детей, искалеченных своей матерью. Одно убийство, второе, третье... И все они так или иначе связаны с этой несчастной семьей. Какая тайна скрыта в прошлом этих людей? В прошлом ли? — сомневается Настя Каменская, анализируя обстоятельства преступлений. Времени на раздумья, как всегда, нет — прямо из больницы похищена девочка, угроза нависла над остальными детьми. Где источник этой угрозы? Озарение, словно вспышка молнии, внезапно освещает всю ситуацию, которая оказывается гораздо страшнее, чем думала Настя...

ISBN 5-699-04904-5

© Маринина А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Комплекс Голема в отечественном варианте	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александра Маринина

Иллюзия греха

Комплекс Голема в отечественном варианте

Считается – и справедливо считается, – что в нашем подсознании прочно сидит неистребимый комплекс страхов. Набор их у каждого варьируется, но определенные страхи присущи всем. Один из таких общечеловеческих «страшных» комплексов – комплекс Голема.

Голем в европейских фольклорных преданиях – это оживленный каббалистическими средствами немой глиняный великан, нелюдь без души, зато полностью подчиняющийся приказам хозяина. Словом, этакий средневековый вариант робота.

Однако одновременно с самой мыслью о возможности создания искусственного человека возник и страх, что создание выйдет из-под контроля создателя. Страх, естественно, тут же нашел свое отражение в литературе. Знаменитый роман Мэри Шелли «Франкенштейн» – об этом, и «Тайны» Гоффмана – об этом, об этом – роман Г. Мейринка «Голем», и пьеса Карела Чапека «R.U.R.» – тоже об этом. Но с глиняным или железным Големом еще можно как-то сладить. А вот что делать с современными Големами из плоти и крови? Что делать с людьми, запрограммированными на генном уровне не природой, а другими людьми? На Западе такие Големы давно уже превратились в навязчивый кошмар, тень которого постепенно, примерно с середины 80-х, стала наползать и на наше отечество. Один из первых переведенных у нас романов Стивена Кинга – «Воспламеняющая взглядом» – о милой крошке Чарли с врожденными способностями саламандры-поджигательницы, потому что ее папе и маме еще до Чарлиного рождения ввели некий новоизобретенный препарат...

Шесть лет назад там же, на Западе, возник сериал, вобравший в себя все самые популярные страхи. В «Секретных материалах» задействованы и аналог Чарли, и «зеленые человечки», и временные парадоксы. Создатели сериала, естественно, не могли пройти и мимо комплекса Голема, тем более сейчас, когда появилась реальная возможность клонирования и сознательного изменения человеческой генной программы. На свет появился файл № 110 – «Ева». В Центре репродуктивной медицины в Сан-Франциско доктор Салли Кендрик, используя живых женщин как инкубаторы, вывела совершенно одинаковых девочек-сверхлюдей с одинаковыми психическими отклонениями – склонностью к убийству. Как выяснили потом дотошные агенты Малдер и Скалли, и сама доктор Кендрик, и девочки были частью военного правительственного эксперимента по генной инженерии...

Но если в литературе Запада страх перед искусственным изменением человеческой природы муссировался годами, то в российской, как уже говорилось, он проявился всего лет десять-пятнадцать назад. Появился – и тут же в каждом втором отечественном детективе или боевике злодеи стали использовать психотропное оружие и полчища зомби встали на защиту золота партии.

Однако, повторяя западные сюжеты, доморощенные авторы совершенно не учитывали особенностей национального характера, замечательной русской способности проникаться идеей так, чтобы во имя ее реализации смести все на своем пути. Они, западные, осторожные, остановятся у края пропасти, мы же, отчаянные, пойдем дальше.

А вот Александра Маринина это очень хорошо знает. Потому, думаю, так она и популярна, что сюжеты ее книг «выращены» на нашей почве, и даже страхи, присущие всему человечеству, в детективах Марининой превращаются в наши родные, кровные страхи. Вокруг генного программирования построена интрига в «Иллюзии греха». Странно – казалось бы, зачем Александра Маринина берет интригу, уже совершенно затертую западными детективщиками?

Ведь выведение искусственных гениев и «рабочих лошадок», способных трудиться 20 часов из 24-х – тема каждого пятого романа этого жанра. И «Иллюзия греха», может быть, была бы только калькой с западного образца, если бы не два «но».

Первое. Ни в одном «их» «ужастике» вы не встретите человека, который принес бы в жертву идее собственных детей. Чужих – пожалуйста, но собственная плоть и кровь – это святое. Опыты над ней недопустимы, даже если чадо не вызывает у родителя особенно сильных чувств.

Второе. На Западе давно уже не действуют одиночки. Все эксперименты хорошо организованы, научно оснащены, в них вкладываются огромные деньги, а секретность обеспечивает какой-нибудь очень особый отдел ФБР. А в нашем государстве, которое трещит по всем швам, как раз наступило время одиноких злых гениев, рассчитывающих исключительно на собственные силы, и Маринина это учитывает.

Учитывает она и то, что одиночку – каким бы он ни был хитроумным и дальновидным – легче поймать и наказать, чем преступников, защищенных силой государства. На любой изощренный ум найдется ум сильнее и хитрее, особенно если у злодея противник такой, как Настя Каменская. Она же любит решать неразрешимые задачи...

Поэтому преступника в конце концов ловят и разоблачают, прерывая слишком длинную цепочку жестоких экспериментов, в которую он втянул многих ничего не подозревающих людей. Ловят, разоблачают, однако торжества и радости Настя почему-то не испытывает...

Да, зло вроде бы наказано – но добро все равно не торжествует. Во-первых, слишком многое непоправимо, а во-вторых, нет никаких гарантий, что то же зло не возникнет снова на другом месте. И это тоже особенность нашей сегодняшней действительности, которую Маринина «ухватила» очень точно. Что же дальше? Что еще покажет нам писательница в своих мрачноватых, но очень правдоподобных произведениях? Будем ждать.

Сергей КРАВЦОВ

Глава 1

При взгляде на эту комнату с лежащим посередине на полу трупом старой женщины почему-то возникала ассоциация с Достоевским. Убийство старухи процентщицы. Хотя убитая, по предварительным данным, ростовщицеством не занималась и ломбард на дому тоже не устраивала. Более того, обстановка в большой квартире в «сталинском» доме свидетельствовала о достатке и аристократических корнях хозяев.

Когда-то в этой квартире жил известный ученый, академик Смагорин, но было это давно. Погибшая, Екатерина Венедиктовна Анисковец, была его дочерью. Трижды за свою жизнь побывав замужем, она столько же раз меняла фамилию, но не место жительства. В этом доме она жила, пожалуй, дольше всех его обитателей. Только ее квартира была отдельной, остальные давно превратились в коммуналки с постоянно меняющимися жильцами. Одни получали или покупали новое жилье и уезжали, другие въезжали в результате разменов с родственниками или супругами. Двери квартир были утыканы разномастными кнопками звонков и карточками с фамилиями, и только дверь в квартиру Екатерины Венедиктовны имела один-единственный звонок и красивую металлическую дощечку с надписью: «Академик В.В.Смагорин».

Судебно-медицинский эксперт осматривал тело, эксперт-криминалист колдовал над поисками следов. Убийство явно тянуло на корыстное, совершенное с целью ограбления, уж очень богатой была квартира и беспорядок в ней царил ужасный. Сразу видно – здесь что-то искали.

– У погибшей есть родственники? – спросил следователь Ольшанский у соседки, приглашенной в качестве понятой.

– Не знаю, – неуверенно отозвалась молодая женщина в спортивном костюме. – Я здесь не так давно живу, всего полгода. Но мне говорили, что детей у нее нет.

– Кто в вашем доме может хоть что-нибудь рассказать про Анисковец? Кто здесь давно живет?

– Ой, не знаю, – покачала головой соседка. – Я здесь мало с кем общаюсь, я ведь только снимаю комнату. Хозяйка квартиру купила, а комнату в коммуналке сдает. Беженцы мы, – добавила она, – из Таджикистана. От нас тут все шарахаются как от чумных, будто мы заразные какие. Так что с нами не очень-то разговаривают.

Да, от соседки толку было мало. Предстоял долгий поквартирный обход, чтобы собрать хотя бы первоначальные сведения о пожилой женщине, безжалостно убитой ударом чем-то тяжелым по затылку.

* * *

С жильцами своего дома покойная Екатерина Венедиктовна действительно почти не общалась, но вообще-то приятельниц и знакомых у нее было немало. Коренная москвичка, она здесь выросла, окончила школу и университет, работала в Историческом музее. И всюду заводила друзей. Конечно, сегодня живы были уже далеко не все. Но все равно тех, кто мог бы рассказать о погибшей, было достаточно много.

В первую очередь Ольшанский велел найти тех ее знакомых, которые часто бывали у Анисковец и могли хотя бы приблизительно сказать, что именно у нее похищено. Такой человек нашелся – бывший муж Екатерины Венедиктовны Петр Васильевич Анисковец. С покойной он развелся лет пятнадцать назад, когда ей было пятьдесят девять, а ему – шестьдесят два. И все пятнадцать лет он продолжал приходить в гости к Екатерине Венедиктовне, приносил цветы и трогательные маленькие подарки.

– Вы не обидитесь, если я спрошу о причине вашего развода? – осторожно сказал следователь, очень уж необычной показалась ему сама ситуация: разводиться в таком почтенном возрасте, и не ради того, чтобы создать новую семью.

Петр Васильевич грустно посмотрел на Ольшанского.

– Дурак я был – вот и вся причина. Закрутил с молодой, думал – вот оно, настоящее, всепоглощающее, то, ради чего на смерть идут. С Катериной развелся. А когда все закончилось, Катя долго смеялась надо мной. Так, говорила, тебе и надо, дурачку самоуверенному, будет те-бе урок. Она прекрасно ко мне относилась. Я потом много раз делал ей предложение, но она отказывала, дескать, смешно в таком возрасте под венец, да еще с бывшим мужем. Но ухаживания мои принимала, не гнала.

– Выходит, она вас простила? – уточнил следователь.

– Простила, – кивнул Анисковец. – Да она и не сердилась долго. Знаете, у нее чувство юмора было просто удивительное, она на любую беду умела с усмешкой посмотреть. Ни разу за все годы я не видел, чтобы Катерина плакала. Верите? Ни разу. Зато хохотала постоянно.

Вместе с Ольшанским Петр Васильевич поехал на квартиру к бывшей супруге. По дороге он несколько раз принимался сосать валидол, и было видно, что он панически боится заходить в комнату, где недавно лежала убитая. Но в последний момент он все-таки сумел собраться и, горестно вздыхая, приступил к осмотру имущества. По тому, как бегло он скользнул глазами по увешанным картинами стенам и как уверенно открывал ящики комода и дверцы шкафов, Ольшанский понял, что Петр Васильевич хорошо ориентируется в обстановке и знает, где что должно лежать.

– Кажется, все на месте, – развел руками Анисковец. – Только одна картина пропала, маленькая такая, миниатюра, но я не думаю, что ее взяли воры.

– Почему же? – насторожился Ольшанский.

– Да она дешевенькая совсем, копейки стоит. Зачем бы ее стали красть, если рядом висят бесценные полотна.

– Может быть, дело в размере, – предположил следователь. – Маленькую картину легче унести.

– Нет, вы не правы, – возразил Петр Васильевич, – взгляните – здесь много миниатюр, отец Катерины, Венедикт Валерьевич, был к ним неравнодушен, всю жизнь собирал. И все они стоят очень дорого, очень, уж вы мне поверьте. Но пропала совсем ерундовая картинка, ее Катя купила у какого-то уличного мазила просто шутки ради.

– Что на ней было изображено?

– Цветы и бабочки, стилизованные под Дали. Такой живописи сейчас полно в Москве. Мазня, одним словом. Я думаю, Катерина просто подарила ее кому-то. Не может быть, чтобы такую дешевку кто-то украл.

– Хорошо, Петр Васильевич, насчет картины мы выясним. А что с драгоценностями?

– Все целы. Это просто поразительно, знаете ли. У Катерины были великолепные фамильные украшения: бриллианты, изумруды, платина. Одна работа чего стоит! И ведь ничего не взяли.

Это было действительно очень странно. Почему же тогда ящики комода оказались выдвинутыми, вещи разбросаны по полу, шкафы открыты? Ведь явно же что-то искали. Но если не ценности, то что же тогда? И почему преступник не взял ценности? Их много, они все на виду, он наверняка их видел и даже трогал. Почему же не взял?

Нужно было немедленно найти еще кого-нибудь, кто смог бы осмотреть вещи Екатерины Венедиктовны. Не исключено, что ее бывший муж пропажу заметил, но по каким-то причинам это не обнаружил.

* * *

Пухлая, перехваченная аптечной резинкой записная книжка Екатерины Венедиктовны Анисковец, набитая множеством выпадающих листочков и визитных карточек, лежала на столе перед Анастасией Каменской. Задание следователя было предельно четким: найти среди знакомых убитой человека, который мог бы дать квалифицированную консультацию по поводу имевшихся у нее ценностей. Насколько кратко было сформулировано задание, настолько длительной и кропотливой была работа по его выполнению. На установление всех лиц, поименованных в этой записной книжке, требовалось много времени и терпения. Настя старательно составляла запросы и получала ответы: «Умер...», «Номер передан другому абоненту...», «Переехал...», «Умер...», «Умер...»

На третий день ей наконец повезло. Искусствовед, знаток живописи и коллекционер антиквариата Иван Елизарович Бышов пребывал в полном здравии и проявил прекрасную осведомленность как о картинах Анисковец, так и о ее украшениях. К тому моменту, когда Настя с ним связалась, он уже знал о трагической гибели своей старинной приятельницы и беспрестанно приговаривал:

– Боже мой, боже мой, я был уверен, что она всех нас переживет! Здоровье отменное. Ах, Катерина, Катерина!

– Вы давно знакомы с Екатериной Венедиктовной? – спросила его Настя.

– Всю жизнь, – быстро ответил Бышов. – Наши отцы дружили, и мы с Катериной практически росли вместе. Мой отец и Венедикт Валерьевич были страстными коллекционерами. А мы с Катей пошли разными путями. Я, что называется, принял коллекцию отца и продолжил его дело, а Катя не имела вкуса к коллекционированию, ее это как-то не будоражило. Впрочем, женщины вообще не склонны... Она потихоньку продавала ценности и на эти деньги жила. Пенсию-то ей крошечную положило государство, музейные работники у нас не в чести были.

– А кто наследует ее имущество?

– Государство. Катерина все завещала нескольким музеям. У нее нет родственников, которым ей хотелось бы оставить все это.

– Неужели совсем нет родственников? – не поверила Настя.

– Нет, какие-то есть, конечно, – ответил Бышов дребезжащим голосом. – Но не такие, кому можно было бы оставить коллекцию. Пропьют, прогуляют. Катя хоть и не имела вкуса к коллекционированию, но ценность того, что у нее было, понимала очень хорошо. Я имею в виду не только денежную стоимость, а ценность в высшем смысле слова. Для истории, для культуры. Она очень образованная была.

Родственники, обделенные наследством. Это уже интересно. Впрочем, нет, не очень. Если бы они имели отношение к убийству, они бы забрали ценности. Иначе само убийство теряет смысл. Может быть, им что-то помешало? Убить успели, а ценности собрать и вынести не смогли... Надо вцепиться мертвой хваткой в соседей. Ибо что в такой ситуации может помешать преступнику? Только появление на лестнице возле квартиры каких-то людей.

– Скажите, Иван Елизарович, как было составлено завещание? Я имею в виду, сделано ли описание каждой вещи, которая переходит к музею-наследнику после смерти Анисковец?

– Я понимаю ваш вопрос, – кивнул старик коллекционер. – Да, каждая вещь была описана с участием представителей музеев и нотариата. В завещании все четко прописано, кому что причитается. Несколько картин Катя в завещание не включила, она собиралась их продать и на эти деньги жить.

– И как? Продала?

– Конечно.

– Кому, не знаете?

– Как кому? Мне. Мне же и продала. Они до сих пор у меня.

– А если бы этих денег не хватило?

– Мы говорили с ней об этом, – кивнул Бышов. – Во-первых, картины, которые я у нее купил, стоили очень дорого. Вы, может быть, думаете, что я, пользуясь старой дружбой, скупил их у Кати по дешевке? Так нет! Я дал за них полную стоимость, вы можете это проверить. Этих денег ей должно было хватить на много лет. А во-вторых, если бы деньги закончились, она внесла бы изменение в завещание, исключила из наследственной массы что-нибудь и снова продала.

– Правильно ли я вас поняла, – подвела итог Настя, – что на момент составления завещания все ценности были осмотрены специалистами, подтвердившими их подлинность?

– Совершенно верно.

– И как давно это случилось?

– Лет пять назад или шесть.

– Иван Елизарович, а Екатерина Венедиктовна боялась, что ее могут ограбить?

– Вот уж нет! – решительно заявил Бышов. – Ни одной секунды.

– А почему? – Характер такой, наверное, – старик улыбнулся впервые за все время, что они разговаривали. – Катя вообще ничего никогда не боялась. Считала, что от судьбы все равно не уйдешь. И потом, я уже говорил вам, она не особенно дорожила коллекцией. Умом понимала ее ценность, а душой не чувствовала. Ведь не сама она ее собирала, свой труд и свои деньги в нее не вкладывала. Конечно, дверь у нее стояла бронированная, на это я ее все-таки сподвигнул. А бриллианты свои она и не носила, говорила, что они ей не к лицу.

Теперь по крайней мере становилось понятным, что делать дальше. Брать завещание Анисковец, вызывать экспертов-искусствоведов и сравнивать ценности, описанные в завещании, с ценностями, имеющимися в квартире. А заодно и повторно устанавливать их подлинность. Потому что вор, если он имел постоянный доступ в квартиру Екатерины Венедиктовны, мог ухитриться сделать копии некоторых вещей и картин и теперь просто подменить подлинники подделкой. Тогда становится хотя бы понятным, почему Петр Васильевич никаких пропавших не обнаружил.

И первым кандидатом в подозреваемые становился сам коллекционер Бышов. Человек, имеющий постоянный доступ в квартиру и хорошо знающий хранящиеся в ней ценности. Вторым подозреваемым автоматически становился бывший муж Анисковец, который тоже бывал у нее частенько и тоже хорошо знал каждую картину на стенах и каждое ювелирное изделие в шкапулках. Настя чувствовала, что третий, четвертый и даже двадцать пятый подозреваемые уже на подходе. Стоит копнуть чуть глубже – и их окажется видимо-невидимо. Такие дела она не любила больше всего. Если окажется, что часть ценностей Екатерины Венедиктовны подменили, то версия о причинах убийства останется только одна, и нужно будет искать виновных среди огромной массы подозреваемых. Это было скучно.

А если окажется, что у нее действительно ничего не пропало, тогда нужно будет придумывать совершенно новую версию, и не одну. Вот это уже было гораздо интереснее.

* * *

Она никогда не удивлялась тому, что почти не нуждается в сне. Так было с самого детства. Ира была послушным ребенком и спокойно укладывалась в постель по первому слову матери, не капризничая, но это не значило, что она тут же засыпала. Она лежала тихонько, потом незаметно погружалась в сон, а около пяти утра глаза ее открывались. При этом Ира не чувствовала себя разбитой или невыспавшейся. Просто она была так устроена.

Когда случилось несчастье, ей было четырнадцать. До шестнадцати ее продержали в интернате, после чего она начала совершенно самостоятельную жизнь. Смысл этой жизни

состоял в том, чтобы заработать как можно больше денег. Деньги были нужны на лекарства и продукты для двух сестер и брата. И для матери, которую Ира ненавидела.

Ее очень выручала законодательная неразбериха, пользуясь которой можно было работать в нескольких местах одновременно. В пять утра она вскакивала и бежала подметать тротуары или сгребать снег – в зависимости от сезона. В восемь мыла подъезд и лестницы в стоящей рядом шестнадцатизатжке. В половине одиннадцатого мчалась на вещевой рынок разносить воду, горячую еду и сигареты торговцам. В пять, когда рынок закрывался, возвращалась домой, ходила в магазин, готовила еду, убирала квартиру, два раза в неделю ездила в больницу к младшим, раз в месяц – к матери. Вечером, с десяти до двенадцати, мыла полы и выполняла прочую грязную работу в расположенном поблизости ресторанчике. Она не спрашивала себя, сколько это может продлиться. На сколько сил хватит. Просто жила так, потому что другого выхода не было. Врачи сказали, что Наташе и Олечке помочь уже нельзя, а маленькому Павлику – можно, только для этого нужны очень большие деньги, потому что надо делать несколько операций, а они дорогие. О том, можно ли помочь матери, она даже и не задумывалась. Она рано поняла, что задумываться вредно. Несколько лет назад услышала по телевизору, что известный молодой киноактер тяжело болен и для его лечения нужны деньги. С экрана телевизора обращались к гражданам и спонсорам: помогите, дайте кто сколько может, расчетный счет такой-то... А актер умер. Ира всего один раз подумала о том, что если уж у киноактера и его друзей денег на лечение не хватило, то куда ей одной, нечего и пытаться собрать средства на лечение Павлика. Но этого единственного раза оказалось достаточно, чтобы она сказала себе раз и навсегда: «Нечего задумываться. Надо дело делать и двигаться вперед. Нельзя останавливаться, нельзя расхолаживаться, иначе никогда ничего не получится».

Ей было семнадцать, когда она вполне самостоятельно дошла до великой шекспировской фразы: «Так трусами нас делает раздумье, и так решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледной...»

Сейчас ей было двадцать. И она двигалась к своей цели, как автомат с бесконечным запасом прочности. Встав с постели, когда еще не было пяти часов, Ира на цыпочках, чтобы не потревожить квартирантов, вышла на кухню поставить чайник. Когда-то в этой квартире жила ее большая семья: мать, отец, трое младших и она сама. Теперь Ира осталась одна и с прошлого года, преодолев сомнения и страхи, стала сдавать две комнаты, оставив себе третью, самую маленькую. Пока все, слава богу, обходилось, хотя эксцессы, конечно, бывали. Но постоять за себя Ира Терехина умела, два года в интернате многому ее научили.

На кухне царил грязь – опять Шамиль приводил гостей и опять не убрал за собой. Конечно, Ира никакой работы не боялась и, сдавая квартиру, предупредила Шамиля: если будете сами за собой мыть и убирать, цена такая-то, а если мне за вами убирать придется – то выше. Жилец согласился платить больше, но ведь нельзя же такой свинарник разводить! Совесть какая-то должна быть у человека или нет? Впрочем, кавардак на кухне Ира видела почти каждый день и готова была честно отрабатывать повышенную плату за комнату. Только вот перед вторым жильцом неудобно – тихий скромный дядечка, приятный такой, не шумит, гостей почти никогда не приводит, а если и приводит, то они сидят тихонько у него в комнате, разговаривают. Он даже посуду у Иры не берет, привез свою и сам ее моет и убирает. Вообще он аккуратный, за ним и уборки-то никакой не нужно, хотя платит, как и Шамиль.

Хорошо, что Шамиль сегодня живет у нее последний день. Вечером уедет, говорит, что на родину, вроде в Москве все дела уже переделал. А следующий кандидат в жильцы уже тут как тут, его неделю назад Шамиль же и привел. Парень Ире не понравился, но это ничего не означало. Ей и Шамиль не нравился, и Муса, который жил до Шамиля. Однако ничего, жива осталась, и имущество цело, и квартиру не спалили. А деньги они платят хорошие и без обмана. Надо только к дяде Владику сбегать, на всякий случай, для общей безопасности.

Быстренько умывшись, Ира выпила чай с куском черного хлеба, намазанного дешевым бутербродным маргарином, натянула старые тренировочные штаны и майку с длинными рукавами и отправилась убирать улицу. Открыв дверь дворницкой кладовки, где хранились метлы, лопаты и скребки, она увидела, что ее метлы нет. Именно ее метлы, которую она любовно подбирала себе по росту и долго шлифовала черенок, придавая ему форму, удобную для ее маленьких рук.

– Вот суки, – злобно прошипела Ира. – Суки паршивые. Даже метлу сперли. Узнаю, кто это сделал, глаза выколю.

Конечно, это были происки Таньки-паразитки. В этом Ира нисколько не сомневалась. Ну ничего, она с ней еще разберется. Горючими слезами Танька умоется. И хахаль ее вместе с ней. Хотят дармовую квартиру получить, нанялись дворниками, а сами не убирают ни черта. Приходят раз в три дня, полтора раза метлой махнут – и бегом домой. А участок так и стоит неубранный. Ира попросила, чтобы участок закрепили за ней и дали ей вторую ставку, она может и в четыре утра на работу выходить и успеет убраться на обоих участках. Все лучше, чем насильно посылать других дворников доделывать Танькину работу. Но если бы сделали так, как предлагала Ира, то Таньку-паразитку пришлось бы увольнять и с квартиры гнать. Все были с таким решением согласны, кроме, разумеется, самой Таньки. Ее хахаль подослал своих дружков – бугаев с наглыми мордами и резиновыми дубинками, и они быстро объяснили дворничьему начальству, что к чему и почему Таньку нельзя с квартиры гнать. Начальники Таньку оставили в покое, закрыв на все глаза, а Ире до ихних политесов дела нет, она каждый раз как встретит эту оторву, так обязательно ей в глаза говорит все, что думает о ней. Танька, тридцатилетняя деваха с испитой рожей, вся золотыми цепями обвешанная, тоже в долгу не остается. Воют они, короче говоря. Вот метлу теперь сперла, сука...

Убрав улицу и вымыв лестницу в шестнадцатиэтажке, Ира прибежала домой принять душ и переодеться. Заодно и позвонить решила.

– Дядя Владик, это Ира, здравствуйте, – выпалила она на одном дыхании, словно взятый на рассвете темп работы распространялся и на разговоры.

– Привет, – отозвался Владислав Николаевич. – Как дела?

– Хорошо. Дядя Владик, мне нового жилья сватают.

– Русский?

– Нет. Дружок Шамяля.

– Понял. Сможешь сегодня подъехать? Я договорюсь с ребятами, они посмотрят.

– Ага, после пяти. Годится?

– Годится. Позвони между пятью и половиной шестого.

– Позвоню. Спасибо, дядя Владик.

– Пока не на чем, – усмехнулся в трубку Владислав Николаевич.

* * *

Ира Терехина когда-то была соседкой Стасова. В те еще времена, когда Стасов был женат на Маргарите и жил с ней и дочкой Лилей в Сокольниках. После развода он вернулся в свою однокомнатную квартиру в Черемушках. Несчастье в семье Терехиных произошло, когда они жили в одном доме, поэтому когда год назад ему вдруг позвонила Ира, Стасову не нужны были долгие объяснения. Он и без того все понимал.

В первый раз Ира позвонила, просто чтобы посоветоваться. Дескать, решила пускать жильцов, деньги очень нужны, но боязно. Стасов, милиционер, оперативник с двадцатилетним стажем, не советовал, отговаривал, пугал возможными неприятностями. Молоденькая девочка, девятнадцать лет, никого из родных рядом нет и защитить некому, если что не так. Но Ирка

уперлась. Ей не нужен был совет «сдавать комнаты или не сдавать». Ей нужен был совет, как уберечься от этих самых неприятностей.

Уберечься от этих неприятностей, по мнению Стасова, было в принципе невозможно, но все же он дал ей несколько практических рекомендаций, выполнение которых могло бы снизить риск. Тогда же он предложил ей предварительно навести справки о будущих жильцах. На это Ира с готовностью согласилась и, как выяснилось, совершенно правильно сделала. Первый же из кандидатов в съемщики оказался преступником, находящимся в розыске. Стасов привез Иру на Петровку, показал ей кучу альбомов, фотографий и ориентировок, а через два дня разыскиваемого задержали, разумеется, постаравшись, чтобы этот факт ни в чьем сознании не соединялся с молоденькой дворничихой. На следующего кандидата Стасов после всех проверок дал «добро», на всякий случай еще раз предупредив, что вообще-то затея эта опасная, и взяв с Иры твердое обещание не пускать к себе жильцов, не поставив в известность Стасова.

Теперь Владислав в милиции уже не работал, получил лицензию частного детектива и возглавлял службу безопасности киноконцерна «Сириус», но друзья на Петровке и в Министерстве внутренних дел у него остались, и друзья эти охотно помогали проверять жильцов Иры Терехиной. Лучше подстраховаться заранее, чем потом получить труп квартирной хозяйки.

* * *

Знакомых и приятельниц у Екатерины Венедиктовны Анисковец было немало, но, что хуже всего, у всех них были дети и внуки, которые вполне могли услышать о ценностях, хранящихся в квартире одинокой пожилой дамы без особых предосторожностей. Юрий Коротков вместе со следователем Ольшанским взял на себя организацию экспертизы картин и ювелирных изделий на предмет выявления подделок, а Насте Каменской, как самой малоподвижной, достались опросы людей, знавших потерпевшую.

Из этих опросов вырисовывался портрет семидесятичетырехлетней женщины, прожившей яркую жизнь. Нельзя сказать, чтобы жизнь эта была уж очень веселой. Жених девятнадцатилетней Кати ушел на войну в сорок первом и в сорок третьем погиб. Первый ее муж, врач-ортопед по фамилии Швайштейн, был арестован по делу врачей-вредителей и умер в камере, не выдержав зверского обращения вертухаев. Второй муж погиб в автокатастрофе. С третьим, как известно, ей пришлось развестись по причине страстной любви одного к юной прелестнице. Детей у Екатерины Венедиктовны действительно не было, тут соседка-беженка не ошиблась. Что-то там заковыристое было со здоровьем по женской линии.

Иная женщина, трагически потерявшая жениха и двух мужей и неизвестно за какие грехи наказанная бездетностью, могла бы считать свою судьбу несчастной, а жизнь – неудавшейся. Но только не Екатерина Венедиктовна. Более жизнерадостного, веселого и дружелюбного человека трудно было себе даже представить. В кругу ее общения постоянно на протяжении всей жизни находились писатели и поэты, художники и артисты, она бывала на всех театральных премьерах, вернисажах и поэтических вечерах, а в последние годы не пропускала ни одного мероприятия, которое устраивал Клуб ветеранов сцены. Хотя она никогда не была сценическим работником, многие старые актеры, режиссеры и театральные художники считали ее «своей», потому что именно ее когда-то приглашали на генеральные репетиции и именно она всегда сидела на премьерах в первом ряду, ободряюще улыбаясь и сжимая в руках огромные букеты цветов, которые щедро дарила им, когда опускался занавес. В промежутках между законными браками у Екатерины Венедиктовны случилось несколько громких романов с людьми, чьи имена были в то время на слуху. Заканчивались эти романы по-разному, в одних случаях бросали ее, в других – она сама уходила первой, в третьих – любовники расставались по обоюдному согласию под давлением обстоятельств, но ничто не могло стереть улыбку с ее лица и приглушить ее залиvistый смех. И даже когда у нее на улице вырвали сумочку с только

что полученными в сберкассе деньгами, снятыми с книжки на покупку нового телевизора, она, прибежав домой, кинулась звонить своей подруге и от хохота долго не могла вымолвить ни слова.

– Ты представляешь, – наконец выговорила она, давась смехом, – меня ограбили. Ну анекдот!

Подруга решила, что Екатерина плачет и у нее форменная истерика. Никак иначе раздававшиеся в трубке звуки она расценить не могла и тут же кинулась утешать несчастную. И только через несколько минут сообразила, что та не плачет, а смеется.

– Неужели тебе весело? – изумилась подруга.

– А что мне теперь, рыдать, что ли? – ответила ей Екатерина Венедиктовна. – Ты же знаешь мой принцип: если можно что-то сделать – надо делать, если сделать ничего нельзя – надо принять все как есть. Но уж, во всяком случае, не плакать. И потом, я тебе много раз говорила, меня ангел хранит. Если у меня украли деньги на новый телевизор, значит, мне вообще нельзя его покупать. Наверное, мне суждено было купить такой телевизор, который взорвался бы и загорелся. Так лучше пусть у меня не будет этих денег, чем сгорит вся квартира и я вместе с ней.

И точно так же она веселилась, когда третий муж, Петр Васильевич Анисковец, заявил ей о своем желании развестись. И точно так же хохотала, когда спустя несколько месяцев после развода он снова возник на пороге ее квартиры.

– Ну что, котяра престарелый, нагулялся? – ласково спрашивала она, потчuya его своим фирменным супом с грибами и изумительным пловом с изюмом и курагой. – Стоила игра свеч?

Нельзя сказать, что Екатерина Венедиктовна исступленно следила за собой и не вылезала из косметических и оздоровительных салонов. Но выглядеть она всегда старалась так, чтобы смотреть на нее было приятно. Идеально уложенные седые волосы, легкий макияж – тушь на ресницах, благородного цвета помада на губах, немного темно-телесных румян на скулах. Ухоженные руки и обязательный маникюр. Ей удалось не растолстеть с возрастом, и она с удовольствием носила брючные костюмы с блузками своего любимого кремового цвета. Часто ходила в гости к приятельницам и никогда не отказывалась от приглашений на юбилейные банкеты, а их в последнее время поступало много: кому семьдесят исполнялось, кому семьдесят пять, а у иных и золотые свадьбы случались. Не говоря уж о чествованиях по случаю пятидесятилетия творческой деятельности.

– У меня наступил самый лучший возраст, – часто повторяла Анисковец. – Все мои друзья вступают в такую благодатную пору, когда кругом сплошные праздники. Только успевай цветы и подарки покупать!

Да, друзей и знакомых у Екатерины Венедиктовны было много, но трудно было даже представить себе, могли ли у нее быть враги. Потому что если убили ее не из-за картин и бриллиантов, то для этого должна быть какая-то личная причина. Какой-то конфликт, вполне вероятно, очень давний.

Сегодня перед Настей Каменской сидела одна из самых близких подруг покойной Анисковец и подробно отвечала на все вопросы. Сама Настя во время таких бесед отдыхала душой: пожилые люди частенько страдают от недостатка внимания и общения и рассказывают обычно весьма охотно, даже если сам повод для таких бесед достаточно трагичен – смерть близкого человека. Из них ничего не надо тянуть клещами, наоборот, их порой бывает трудно остановить. Но останавливать их Насе и в голову не приходило. В голове у собеседника возникают ассоциативные связи, следуя которым они вспоминают и начинают рассказывать о событиях, не имеющих на первый взгляд никакого отношения к убийству, и внезапно может всплыть такая деталь, о которой и в голову не придет специально спрашивать. «Самое главное – вывести человека на неконтролируемые просторы свободного рассказа, – учил когда-то Настю отчим, всю жизнь проработавший в уголовном розыске, – и спокойно ждать, когда он сам прогово-

рится и расскажет то, что важно для дела. Ты слушаешь его не перебивая, сочувственно и заинтересованно киваешь и тем самым создаешь у него иллюзию свободного полета, и эта иллюзорная свобода его опьяняет настолько, что он перестает следить за речью».

Марта Генриховна Шульц и была той самой подругой, звонить которой кинулась после ограбления Екатерина Венедиктовна, заходясь от хохота.

– Марта Генриховна, скажите, какие отношения были у вашей подруги с Иваном Елизаровичем Бышовым?

– Самые хорошие. Они знают друг друга с детства. Ванечка даже какое-то время ухаживал за мной, правда, это было очень давно, мне тогда еще пятидесяти не было. Он, знаете ли, рано овдовел и подыскивал себе новую подругу жизни.

– А вы? Не ответили на его ухаживания?

– Ну почему же, – кокетливо улыбнулась Шульц. – Ванечка был очарователен. Но дело в том, что я не была свободна. Даже если бы я в тот момент увлеклась, на развод я бы все равно не пошла.

– Почему? У вас были маленькие дети?

– Да господь с вами, какие же маленькие дети могут быть в сорок семь лет! Нет, дети были уже большими. Но Ванечка – русский. А мы – немцы. Родители с самого детства приучили меня к мысли, что мы не должны ассимилироваться, вступая в браки не с немцами. Мой покойный муж тоже немец.

– А что же Екатерина Венедиктовна? За ней Бышов не пытался ухаживать?

– О, что вы, голубушка, они этот этап прошли лет в пятнадцать-шестнадцать. Эдакая детская влюбленность. Потом у Катеньки появился жених, она встречалась с ним года полтора или два, пока война не началась.

– И как потом складывались отношения Екатерины Венедиктовны и Бышова?

– Очень ровно. Они дружили домами. Ивану нравилась коллекция картин, которую собрал Катин отец, и он постоянно говорил, что купит их все, если только Катенька соберется продавать.

– Марта Генриховна, насколько мне известно, ваша подруга завещала почти все свои картины музеям, за исключением нескольких, которые она и продала Бышову. Это так?

– Да, это правильно. Она так и сделала.

– А почему она не продала Ивану Елизаровичу все картины, если он так этого хотел? Ведь они дружили всю жизнь. Почему же она не пошла ему навстречу?

– Катя хотела дожить свой век в окружении этих картин. Она видела их рядом с собой всю жизнь и не хотела расставаться с ними до срока. И сначала она действительно предложила Ивану завещать картины в его пользу. Но он проявил в этой ситуации редкостное благородство. Не хочу, говорит, чтобы ты думала, будто я с нетерпением жду твоей смерти. Не хочу быть твоим наследником. И тем более не хочу получить эти картины даром. Тогда они и договорились, что Катя продаст ему несколько картин, чтобы на жизнь хватило, а остальное завещает музеям.

– Почему все-таки завещание было составлено только в пользу музеев? Неужели у Екатерины Венедиктовны не было никаких родственников?

– Да есть у нее родственники, но им картины не нужны. Родня такая дальняя, что они и связей не поддерживают.

Это было похоже на правду. Екатерина Венедиктовна бережно хранила получаемые ею письма, поздравительные открытки и телеграммы за много лет, и среди них не было ни слова от родственников. И Бышов, и Петр Васильевич Анисковец в один голос утверждали, что где-то какие-то родственники есть по линии отца, но очень дальние, не то в Мурманске, не то в Магадане, но у Екатерины они не появлялись. Так что не было никаких оснований подозревать их в корыстном интересе к коллекции академика Смагорина.

– Скажите, если бы эти родственники вдруг объявились, Екатерина Венедиктовна сказала бы вам об этом? – спросила Настя Марту Генриховну.

– Уверена, что сказала бы, – твердо ответила Шульц. – Какой смысл ей скрывать это от меня? Наверняка сказала бы.

– А вообще у нее могли быть от вас тайны?

– О, голубушка, – вздохнула Шульц, – надо было знать Катю. Она была веселая и открытая, но отнюдь не болтушка. Отнюдь. Если Катя хотела что-то скрыть, ни одна живая душа об этом не узнала бы, смею вас заверить. Она умела молчать и держать язык за зубами как никто. Ее за это очень ценили. С ней можно было поделиться любым секретом и быть в полной уверенности, что дальше ее это не пойдет. Катя ни разу в жизни никого не подвела. Или, как теперь принято говорить, не заложила. Кто знает, сколько альковных тайн она унесла с собой в могилу...

Марта Генриховна всхлипнула и приложила платочек к глазам. Впервые за весь такой долгий разговор она позволила себе показать слабость, и Настя в который уже раз за последние дни подумала, что многие молодые напрасно недооценивают стариков. Они намного умнее, чем принято думать в среде тех, кому еще нет сорока, намного хитрее и сильнее духом. А что касается унесенных в могилу альковных тайн, то это уже интересно. Не в этом ли коренится причина ее трагической и жестокой смерти?

Настя взглянула на часы – половина седьмого. Бедная Марта Генриховна сидит здесь уже больше четырех часов. Ну можно ли так терзать немолодую и не очень-то здоровую женщину?

– Спасибо вам, Марта Генриховна, с вашей помощью я теперь гораздо лучше представляю себе вашу подругу, – тепло сказала Настя. – Могу я предложить вам чай или кофе?

– С удовольствием, – оживилась Шульц. – И я буду вам очень признательна, если вы покажете мне, где тут у вас дамская комната.

Настя виновато улыбнулась. В самом деле, свинство с ее стороны так обращаться со свидетелем. Надо было раньше об этом подумать, не дожидаясь, пока терпение у нее лопнет. Шульц вышла в туалет, и тут же на столе у Насти звякнул аппарат внутреннего телефона.

– Настасья Павловна, занята? – послышался голос Стасова.

– Свободна. А ты где-то здесь?

– Угу, брожу по коридорам. Можно к тебе на полминуты?

– Валяй. Только без глупостей, у меня свидетель.

– Обижаешь, – фыркнул Стасов. – Любовь не может быть глупа. Она может быть неудобна. Все, бегу.

Вероятно, он действительно бежал, а может быть, звонил из соседнего кабинета, во всяком случае, появился он буквально через несколько секунд. Вместе с ним в кабинет вошла худенькая невысокая девушка с изможденным лицом, покрытым прыщами. Рядом с ней двухметровый зеленоглазый красавец Стасов казался еще выше, еще плечистее и еще красивее.

– Не мог пройти мимо и не сказать тебе о своих пылких чувствах, – со смехом заявил Владислав прямо с порога. – Знакомься, это Ирочка, моя бывшая соседка и нынешняя подопечная. Я тебе рассказывал о ней.

– Да-да, я помню, – кивнула Настя. – Очень приятно.

Девушка буркнула в ответ что-то невразумительное и даже не улыбнулась.

– Мы выясняли личность некоего Ильеса, – продолжал Стасов как ни в чем не бывало. – Он собирается снять у Иры комнату.

– И как? Он оказался бандитом и убийцей, находящимся в розыске? – пошутила Настя.

– Слава богу, нет. Его привел нынешний жилец, о котором мы уже все знаем, поэтому установить личность Ильеса было несложно. Обормот, конечно, челнок турецко-египетско-итальянской направленности, но пока чистый. Ни от кого не прячется, руки не замараны, ну если только по мелочи.

Вернувшаяся в этот момент Марта Генриховна с любопытством оглядела странную парочку. Удобно усевшийся было на стул Стасов моментально вскочил при появлении пожилой женщины, чем вызвал ее благосклонную улыбку, а Ира вообще никак не отреагировала на ее появление и даже не кивнула в ответ на вежливое «Добрый вечер», произнесенное светским тоном.

– Кому чай, кому кофе? – гостеприимно предложила Настя, выключая кипятильник и доставая из стола чашки, кофе, чай и сахар. – Вам, Марта Генриховна?

– Чаю, пожалуйста.

– И мне чайку, – подал голос Стасов. – А тебе, Ириша?

– Мне не надо, – буркнула девушка.

Владислав выпил свой чай в три больших глотка и решительно поднялся.

– Ну все, Настасья Павловна, мы побежим. Спасибо тебе за чай, рад был тебя повидать. Не пропадай, звони.

– И ты не пропадай, – улыбнулась в ответ Настя.

Марта Генриховна задумчиво посмотрела вслед Стасову и его спутнице.

– Какая странная девушка, – сказала она, когда дверь за ними закрылась.

– Почему странная?

– Совершенно невоспитанная. И взгляд у нее какой-то дикий. Затравленный. Это у вас называется «трудный подросток», так, кажется?

Можно было бы просто молча кивнуть и не развивать тему. Но Настя была признательна Марте Генриховне за обстоятельный и довольно откровенный рассказ об убитой Анисковец, и ей хотелось сделать своей собеседнице что-нибудь приятное, тем более что беседовать с ней, видимо, придется еще не раз. А что может быть приятнее в этой ситуации, чем рассказ, слегка напоминающий сплетню, который Марта потом сможет пересказывать своим знакомым, ссылаясь на то, что «это ей прямо на Петровке рассказали под большим секретом». У пожилых людей главная радость – поговорить, а главная удача – новая пища для разговоров.

– Что вы, Марта Генриховна, Ира уже давно не подросток, ей двадцать лет. Просто она выглядит так, потому что жизнь у нее трудная. А насчет того, что она невоспитанная и дикая, вы отчасти правы, но вряд ли надо ее за это судить. Я вам расскажу, если хотите. Страшная трагедия.

Разумеется, Шульц хотела. И еще как!

– Может быть, вы помните, как шесть лет назад почти во всех газетах прошло сообщение о чудовищном случае. Женщина выбросила из окна с девятого этажа троих детей и выбросилась следом за ними, а старшая дочь успела убежать и спрятаться у соседей.

– Да-да, – оживленно кивнула Марта Генриховна, – я читала.

– Так вот Ира и есть та самая старшая дочь.

– Да что вы говорите! – всплеснула руками Шульц. – Какой ужас!

– Я вам расскажу то, чего вы, может быть, не знаете, – таинственным голосом продолжила Настя. – Они все остались живы, две девочки, мальчик и мать. Но, конечно, все стали глубокими инвалидами. Отец на следующий день после случившегося умер от инфаркта. Не смог вынести. И Ира осталась в четырнадцать лет совсем одна. Понимаете? Совсем одна. И ей приходится очень много и тяжело работать, чтобы содержать и себя, и четырех инвалидов. Правда, они с ней не живут, дети в больнице, мать в доме инвалидов, но ведь им нужны лекарства, продукты, одежда. Так что, я полагаю, мы с вами можем закрыть глаза на то, что Ира забывает сказать «спасибо» и «пожалуйста» и вообще ведет себя невежливо.

– Бедная девочка, – вздохнула Шульц. – Какая страшная судьба, боже мой, какая судьба.

Народная мудрость говорит, что терпеливых бог любит. А еще говорят: тому, кто умеет ждать, достается все. Насте Каменской совсем не нужно было это ритуальное чаепитие с семидесятилетней чрезмерно разговорчивой свидетельницей. У нее была масса текущей работы,

ей нужно было сделать несколько срочных телефонных звонков, но она считала необходимым проявить терпение, чтобы сохранить у Марты Шульц хорошее впечатление о работниках уголовного розыска. И была за это вознаграждена сторицей. Потому что Марта Генриховна, о чем-то поразмыслив, внезапно произнесла:

– А вы знаете, мне кажется, Катя знала маму этой девочки.

– Почему вы так решили?

– Я теперь вспомнила, об этом ужасном случае действительно было написано почти во всех газетах, да и по телевизору рассказывали. Катя газеты не выписывала и не читала их, но, как-то придя ко мне в гости, увидела случайно заметку и сказала: «Несчастливая. Я знала, что добром это не кончится».

– Что еще она сказала? – спросила Настя, чувствуя, как вмиг пересохла губы.

– Больше ничего. Вероятно, это была одна из тех альковных тайн, которые было невозможно вытянуть из Кати.

Проводив Марту Генриховну вниз, Настя стала подниматься к себе на пятый этаж. Неисповедимы пути твои, сыщицкая удача! А если бы Стасов не зашел к ней? А если бы ушел сразу же и не встретился с Мартой Шульц? А если бы Ира Терехина оказалась нормальной воспитанной девушкой и Марте не пришлось бы в голову ее обсуждать? Удача балансировала на тонком шесте, каждую секунду грозя свалиться в пропасть и разбиться, но все-таки удержала равновесие и благополучно добралась до места назначения.

Глава 2

Мать смотрела на Иру ясными светлыми глазами и безмятежно улыбалась. При падении с девятого этажа она сломала позвоночник и потеряла способность самостоятельно передвигаться. Но еще хуже было то, что вследствие травмы черепа она потеряла память. То, что она знала на сегодняшний день, было рассказано ей врачами, дочерью и обитателями дома инвалидов. На восстановление памяти надежды не было никакой. То есть на самом деле надежда эта была, но нужен был высокооплачиваемый специалист, который провел бы с Галиной длительный курс занятий по специальной методике. Денег на это у Иры не было, каждая заработанная копейка, которую удавалось сэкономить, откладывалась на лечение брата Павлика.

– Почему ты не занимаешься своим лицом? – спросила мать, придирчиво оглядывая Иру. – Эти безобразные прыщи тебя портят.

– Твоего совета не спросила, – грубо ответила Ира. – Ты бы лучше поинтересовалась, как твои дети себя чувствуют.

– Как они себя чувствуют? – послушно повторила Галина. – Ты у них была?

– Была. Вчера ездила. Плохо они себя чувствуют. Тебе спасибо, постаралась.

– Зачем ты так говоришь, доченька? – жалобно проскулила Галина. – Какая ты жестокая.

– Зато ты очень добрая. Устроила мне счастье на всю оставшуюся жизнь. Ну можешь ты мне объяснить, зачем ты это сделала? Почему, мама, почему?

Из ясных глаз Галины Терехиной потекли слезы. Она ничего не помнила. Ей сказали, что она выбросила из окна своих детей – одиннадцатилетнюю Наташу, семилетнюю Оленьку и полугодовалого Павлика. Но она этого не помнила. И почему она это сделала, Галина не знала.

Еще ей сказали, что у нее был муж, который не выдержал этого ужаса и умер от разрыва сердца. Мужа она тоже не помнила, но понимала, что раз у нее было четверо детей, то, наверное, и муж был.

– Ты всегда меня упрекаешь, – всхлипнула она. – А я ни в чем не виновата.

– А кто же тогда виноват? Кто? Ну скажи мне, кто виноват? Кто заставил тебя это сделать?

– Я не знаю, я не помню, – прошептала Терехина. – Не мучай меня.

– Это ты меня мучаешь! – внезапно заорала Ира. – Это ты превратила мою жизнь черт знает во что! Я уж не говорю о жизнях твоих детей, которые уже шесть лет лежат в больнице. Я не могу их забрать домой, потому что не могу обеспечить им уход. И я вынуждена колотиться семь дней в неделю с утра до вечера, а в итоге покупаю тебе какое-то дурацкое лекарство, вместо того чтобы купить Павлику лишний килограмм клубники или новую майку для Наташи. Господи, когда же это кончится!

Она обессиленно опустилась на пол рядом с кроватью, на которой лежала мать, и зарыдала. Галина осторожно вытянула руку и легко погладила Иру по голове. Та дернулась, словно ее током ударило.

– Не смей ко мне прикасаться! Мне не нужна твоя жалость! Лучше бы ты детей пожалела шесть лет назад. Ты же четыре жизни изуродовала, а отца просто убила!

– Лучше бы я умерла тогда, – обреченно произнесла Галина.

Ира поднялась, вытерла слезы рукой, взяла свою сумку и подошла к двери.

– Это точно, – сказала она, не глядя на мать. – Лучше бы ты умерла.

* * *

Вернувшись домой в первом часу ночи, Ира Терехина тихонько зашла на кухню, чтобы что-нибудь съесть. После поездки к матери и до вечерней работы в ресторане она успела убрать

в квартире, и теперь кухня сияла чистотой. Шамиль съехал, а новый жилец, Ильяс, появится только через два дня. Георгий Сергеевич, второй съемщик, беспорядка после себя не оставлял, и Ира могла быть уверена, что в ближайшие два дня дома будет царить чистота.

Георгий Сергеевич ей нравился, и она мечтала о том, чтобы все жильцы у нее были такие же, как он. Тихий интеллигентный мужчина лет пятидесяти, съехавший от жены после развода в ожидании решения квартирного вопроса, он относился к своей хозяйке по-доброму и даже старался помочь, чем мог, видя, как она беспрерывно мотается с одной работы на другую.

– Ирочка, я собираюсь нести вещи в химчистку. Что-нибудь ваше захватить? – спрашивал он.

– Ирочка, у меня завтра запланирован большой поход за продуктами. Вам что-нибудь нужно?

Если Ира приходила с работы, а он еще не спал, Георгий Сергеевич сочувственно говорил:

– Садитесь, Ирочка, я вам чайку налью, а вы отдохайте.

Но вообще-то бывало это нечасто. Георгий Сергеевич рано вставал и уходил на работу, а потому и вечерами не засиживался допоздна. Но сегодня была пятница, завтра ему на работу не идти, и, когда Ира пришла домой, он еще не спал. Услышав ее осторожные шаги, жилец вышел на кухню.

– Что, Ирочка, остались мы с вами вдвоем? Пополнения не ожидается?

– Через два дня, – ответила она, отрезая себе кусок хлеба и доставая из холодильника дешевый маргарин.

– И кто на этот раз?

– А, – она небрежно махнула рукой, – такой же, как Шамиль.

– И как вы не боитесь, – покачал головой Георгий Сергеевич. – Такая публика сомнительная, и приводят сюда бог знает кого. Даже я боюсь, а уж вы-то...

Ира твердо помнила наказ Стасова и его друзей из милиции про проверки никому не рассказывать, потому и не стала успокаивать боязливого жильца.

– Да ладно, чего там, не убьют. Конечно, мне бы лучше найти второго такого, как вы, да где ж такого взять. Расскажите лучше, какое кино сегодня по телеку смотрели.

– Хотите сыру? – предложил жилец. – Я купил сегодня чудесный сыр. И колбаса есть хорошая. Давайте я вам отрежу, а то вы все время хлеб с маргарином жуετε, это же так вредно.

Конечно, вредно. У нее и прыщи с лица не сходят, потому что все время ест хлеб с этим дурацким маргарином, напичканным химией и всякой прочей гадостью. Но зато дешево. А она должна экономить. Однако побираться у жалостливого жильца она не будет ни за что на свете. Лучше умереть.

– Я в ресторане поела, официанты подкинули, – выдала она дежурную отговорку. – Сейчас просто так пожую, для порядка, и спать пойду. А вы чего не ложитесь?

– Не спится. С бывшей женой разговаривал, расстроился, все не успокоюсь никак.

– Скандалила? – догадалась Ира. – Ух, сука! Я бы ее своими руками придушила. Такого хорошего человека обижает. И как не стыдно, ей-богу!

– Не надо так, – мягко остановил ее жилец. – Она хорошая женщина. Просто характер тяжелый. Кстати, Ирочка, я совсем забыл вам передать, вам звонил какой-то мужчина, ваш бывший сосед.

– И чего сказал? – насторожилась Ира.

– Просил, чтобы вы ему позвонили.

– Угу, – буркнула она, откусывая бутерброд. – Ладно.

Дядя Владик. Конечно, в ее возрасте смешно называть кого-то дядей или тетей, пора уже переходить на имена-отчества, но Стасов всегда был для нее дядей Владиком. Когда он переехал в их дом, Ире и десяти лет не было еще. Дочка у него совершенно замечательная

растет. А жена, тетя Рита – сука. Мало того что развелась с таким мужиком, так еще и водит к себе какого-то мерзкого типа. Для Иры Терехиной все женщины, не умеющие ценить хороших мужиков, были суками. И тетя Рита сука. И бывшая жена Георгия Сергеевича – тоже. Господи, достался бы ей такой непьющий приличный человек, как нынешний жилец, она бы ноги ему мыла и воду пила, каждый день бога благодарила бы. А о таком, как дядя Владик, и мечтать нечего. Красавец, и служба достойная, и добрый, и тоже, между прочим, не употребляет. Ну если только чуть-чуть, по случаю. И чего этим бабам надо? Горя они настоящего не нюхали, нужды не знали, вот и кочевряжатся, принцесс из себя изображают, нос воротят. Ну уж такой-то, как Георгий Сергеевич, чем может быть плох? Денег мало зарабатывает? Так зато честные эти деньги, и ночами можно спать спокойно, тюрьмы и пули не бояться. А если тебе мало, пойди и сама заработай. Вставай в пять утра и иди улицу мести, а вечером полы мой и посуду в ресторане, как сама Ира. А то все хотят заморского принца с яхтой и замком в Шотландии. Чтобы пальчиком не пошевелить, а получить все и сразу. Суки. Одно слово – суки.

Улегшись в постель, Ира блаженно вытянулась и закрыла глаза. Сон придет не сразу, она это знала, и можно немножко помечтать в тишине. О том, что в один прекрасный день найдется человек, который пожалеет Павлика и даст денег на операции. Больше ей ничего не нужно, на то, чтобы содержать сестер и себя, она как-нибудь заработает. И на мать хватит. Как ни ненавидела ее Ира, но ведь мать все-таки. Не откажешься от нее, не бросишь на произвол судьбы. Хоть бы умерла она, что ли... Так нет ведь. Еще их всех переживет. А когда с Павликом будет все в порядке, она еще подсоберет деньжат и поставит памятник на могиле отца. Конечно, она за могилой ухаживает, ездит часто, цветы приносит. Добрые люди оградку поставили, а памятник – дорого. Это уж ей самой придется потянуть. Если все пойдет без сбоев, как сейчас идет, на Павлика она деньги соберет лет через пять-шесть. Еще годик – и памятник можно будет осилить. Потом надо будет ремонтом заняться. Чужие люди квартиру не берегут, не свое ведь. Ира, конечно, старается, отрывающиеся обои подклеивает, пятна на потолке подмазывает, а краны ей Володька-слесарь из родного ДЭЗа бесплатно чинит, жалеет ее. Но все равно через пять лет квартира придет в полную негодность. На это тоже деньги нужны, и много. Ничего, она справится.

В мечтах Иры Терехиной не было прекрасных принцев, которые влюбятся в нее с первого взгляда и увезут в далекие страны на все готовое. Помыслы ее были прямыми и простыми: как заработать честные деньги и на что их потратить. Она никогда не задумывалась над тем, хватит ли у нее сил и здоровья на осуществление своих планов и что будет потом, когда для Павлика будет сделано все, что можно, на могиле отца будет стоять памятник, а квартира будет отремонтирована. Будет ли у нее своя семья, муж, дети? Нужна ли она будет кому-нибудь, изможденная непосильной работой, рано состарившаяся, необразованная, нищая?

Таких мыслей у нее в голове не было.

* * *

Эксперты, искусствоведы, ювелиры и сотрудники музеев вынесли свой вердикт через несколько дней: среди картин и украшений, находящихся в квартире убитой Анисковец, нет ни одной подделки. Все предметы подлинные. Все описанное в завещании – на месте. Ничего не пропало и не подменено. Даже миниатюра с дурацкими бабочками-цветочками нашлась. Екатерина Венедиктовна действительно незадолго до гибели подарила ее на день рождения внучке одной из своих приятельниц.

Если держаться за версию убийства из корыстных побуждений, оставалось одно: преступнику кто-то помешал, поэтому он ничего не взял. Но версия эта никакой критики не выдерживала. Ведь хватило же у него времени рыться в шкафах и ящиках комода, а футляры с драгоценностями как раз там и лежали. Почему же он их не взял?

Кражи коллекционных вещей редко совершаются спонтанно, «на дурачка». Опытный преступник сначала подготовит себе канал быстрого сбыта, найдет перекупщиков, которые сумеют сплавить картины и украшения. Как правило, на картины всегда есть предварительный заказ, и в таких случаях вор берет не все, а только то, что заказано и гарантированно уйдет с рук. Потому что иначе куда все это девать? На стенку вешать, что ли? До первого визита участкового... И ювелирку музейного класса тоже в скупку не снесешь, там не дураки сидят, из милиции уже звоночек получили.

Если все-таки целью преступления была коллекция академика Смагорина или его фамильные украшения, то следовало на всякий случай проверить каналы сбыта. А вдруг да засветился где-нибудь убийца, протапывая заранее тропиночку к покупателям?

Эта линия осталась за майором Коротковым. Симпатичный черноглазый оперативник Миша Доценко вплотную занялся жильцами дома, где жила Анисковец, в попытках установить, не видели ли они, кто в последнее время, а лучше – прямо в день убийства приходил к погибшей.

А Насте Каменской по-прежнему не давал покоя вопрос: что могло связывать потомственную аристократку Екатерину Венедиктовну Смагорину-Анисковец с домохозяйкой Галиной Терехиной, некогда в припадке безумия искалечившей своих детей и себя саму? На самом деле связывать их могло все что угодно, но совершенно непонятно, почему об этом знакомстве не знал никто из окружения Анисковец. Почему нужно было его скрывать? Потому что за ним стояла чья-то, как выразилась Марта Шульц, альковная тайна?

Да, по-видимому, Екатерина Венедиктовна действительно умела хранить чужие секреты. По крайней мере этот секрет она сохранила так тщательно, что не было никакой возможности подобраться к нему и взглянуть хотя бы одним глазком...

* * *

Все в лаборатории было стерильно белым и сверкающим. Он любил здесь работать, и вообще, была бы его воля, проводил бы здесь большую часть времени. В этой лаборатории была его жизнь, вернее, дело всей его жизни. Именно здесь, среди этой стерильной белизны, рождались идеи, приходили разочарования, ставились эксперименты. Здесь надежда на удачу возносила его к вершинам, а неудачи ввергали в пропасть уныния и депрессии. Он столько лет отдал служению своей науке, что уже не мыслил дальнейшего существования вне стен лаборатории.

Через несколько минут должна прийти Вера. У нее пока все протекает нормально, без видимых непосвященному глазу отклонений. Но он-то видит, он знает, что с ней происходит сейчас и будет происходить в будущем. В своих экспериментах он продвинулся за последние годы так далеко, что теперь может почти безошибочно прогнозировать последствия. Прошли те времена, когда он с нетерпением и напряжением ждал результата, совершенно не представляя себе, каким он будет, этот результат, и надеясь только на то, что он вообще будет. Хоть какой-нибудь. Жаль, конечно, что самый мощный его эксперимент был внезапно прерван по не зависящим от него причинам. Уж больно донор был хорош...

Вера пришла, как обычно, с опозданием почти на полчаса. Это было в ней неискоренимо, она была твердо убеждена, что настоящая женщина должна обязательно опаздывать, особенно если идет на встречу с любимым мужчиной. Правда, на работу она тоже вовремя приходила не трудилась.

– Привет! – радостно улыбнулась она, впорхнув в его кабинет, расположенный рядом с лабораторией. – Почему грустный вид?

– По тебе скучал, – скупно улыбнулся он. – Вот ты пришла – и я сразу же развеселюсь.

– Да уж сделай одолжение, – кокетливо промурлыкала Вера. – Терпеть не могу, когда ты хмуришься.

– Как ты себя чувствуешь?

Он мог бы и не спрашивать. Если женщина с шестимесячной беременностью сияет всем своим свежим личиком и носит сногшибательные наряды, она не может чувствовать себя плохо.

– Прекрасно! Правда, вчера вечером мне стало немножко нехорошо, и я так испугалась. Если бы у меня был твой домашний телефон, я бы тебе обязательно позвонила, честное слово! Так страшно было! Но все быстро прошло.

– А что именно тебя напугало? – заботливо спросил он. – Тошнота, головокружение? Может быть, боли?

– Нет, ничего не болело. Просто... Ну не знаю. Нехорошо. И страшно. Может быть, ты все-таки дашь мне свой домашний телефон, а? А то мало ли что, а ты врач, к кому мне еще бежать в первую очередь, если не к тебе.

– Верочка, милая, – терпеливо сказал он, – я ведь уже объяснял тебе...

– Ну да, конечно, жена ревнивая и все такое. Слышала. У меня муж, между прочим, тоже не ангел и не дурачок, но когда речь идет о ребенке, тем более о нашем с тобой ребенке, можно же чем-то поступиться. Ты не находишь?

– Нет, дорогая моя, не нахожу, – ответил он более жестко. – У меня маленькие дети, ты прекрасно знала об этом. Я не могу рисковать.

– Но и у нас с тобой будет маленький ребенок. Чем твои дети лучше нашего ребенка?

– Они не лучше, – ответил он уже мягче. – Но если моя жена узнает о нас с тобой, она немедленно подаст на развод, и дети будут расти без отца. А твой ребенок родится в законном браке, и у него будет отец, который никогда не узнает, что растит не своего малыша. Наш с тобой ребенок не будет ничем обделен, если все останется как есть. И мои дети не будут обделены. Если же мы с тобой расторгнем свои браки и поженимся, то наш ребенок будет расти в полной семье, а мои дети – нет. И теперь я тебя спрошу: чем мои дети хуже нашего с тобой малыша? Почему я должен ими жертвовать?

– Ну извини, – она уселась к нему на колени и ласково потерлась носом о его шею. – Не сердись. Я правда очень испугалась. Не сердись?

Он поцеловал ее в щеку, потом в лоб.

– Не сержусь. Пойдем посмотрим, как там наш малыш.

В лаборатории Вера привычно разделась и вошла в кабину установки. Она проделывала это столько раз, что уже без команд и подсказок знала, что нужно делать, как стоять, как ложиться и как дышать.

– Ела сегодня что-нибудь? – спросил он на всякий случай, опуская между собой и установкой защитный экран.

– Нет. Как обычно.

– Молодец.

Впрочем, он мог бы и не спрашивать. Легкомысленная и несобранная Вера готовилась стать тем, что некоторые называют «сумасшедшей матерью», во всяком случае, заботиться о здоровье будущего ребенка она начала примерно за месяц до зачатия. Разумеется, о том, чтобы нарушить предписанные врачом правила, и речи быть не могло.

Убедившись в том, что Вера его не видит, он быстро натянул на себя защитный комбинезон, закрыл лицо маской, на руки надел перчатки. Все, можно начинать.

Процедура заняла всего несколько минут. Выключив установку, он моментально снял с себя защитную одежду, сунул в специальный шкаф и только потом поднял экран и нажал кнопку, открывающую дверь кабины, чтобы Вера могла выйти.

– Ну как? – весело спросила она, неторопливо надевая безумно дорогое белье. – Порядок?

– Порядок, – подтвердил он, с удовольствием глядя на одевающуюся женщину. Все-таки Вера была очень красива. Даже округлившийся живот и исчезнувшая талия не портили ее. В ней была порода. – Одевайся и заходи в кабинет.

Каждый раз после процедуры ему инстинктивно хотелось как можно быстрее покинуть лабораторию, хотя он точно знал, что при выключенной установке опасности нет никакой. Оставив Веру в лаборатории, он вернулся в кабинет. Пока все идет по плану. До родов она должна пройти процедуру еще четыре раза. И тогда будет видно, что получилось.

Вера впорхнула в кабинет и быстрым движением заперла дверь изнутри на задвижку.

– Я хорошо себя вела и заслужила награду, – с лукавой улыбкой заявила она.

– Но не здесь же, Верочка, – возмутился он.

– А почему нет? Дверь заперта, никто сюда не войдет.

– Не говори глупости.

– Это не глупости!

Вера начала сердиться, он это видел. Но мысль о том, чтобы прикоснуться к женщине сразу после процедуры, была невыносимой.

– Верочка, милая, ну что за спешка, ей-богу? Давай встретимся спокойно сегодня же вечером. Ты ведь знаешь, не люблю я эти кабинетные приключения на скорую руку.

– Но я хочу сейчас, – упрямилась Вера. – Раньше ты не был таким разборчивым. И кабинетные приключения тебе нравились.

Раньше. Конечно, раньше он мог уложить ее здесь, на мягком диванчике. Потому что это было нужно для дела. А теперь для дела нужно, чтобы она регулярно проходила процедуры. Двадцать сеансов во время беременности и потом раз в месяц в период кормления. Разумеется, он должен заниматься с Верой любовью, кто ж с этим спорит, она ему не кто-нибудь, а любовница. Пожалуйста, он готов сделать это вечером, благо есть где, но не здесь и не сейчас.

– А я люблю, когда ты долго терпишь, – весело сказал он. – Ну что это за интерес, если ты только-только захотела – и все к твоим услугам. Это скучно. Зато когда ты потерпишь, удовольствие совсем другое. Уж не знаю, как для тебя, а для меня – точно. Ты делаешься совершенно особенная. Так что беги домой, поешь и ложись отдыхать, а в семь часов я тебя жду. Договорились?

Вера была взбалмошной, но покладистой. Она с детства привыкла требовать немедленного удовлетворения всех своих желаний, но при этом легко уступала, если ее просили потерпеть и взамен обещали дать больше, чем она просила, вернее, требовала.

– Договорились, – вздохнула Вера. – Только не опаздывай, у меня же ключей нет. А то буду как дура под дверью торчать.

– Не волнуйся, – ласково улыбнулся он. – Иди домой.

* * *

Разгадать секрет знакомства Анисковец с Галиной Терехиной никак не удавалось. У Насти все время было ощущение, что за какую ниточку в этом деле ни потяни – все уходит в песок. Версии лопались одна за другой. Ценности не были ни украдены, ни заменены подделками. В околоторовских и контрабандных кругах о картинах из коллекции академика Смагорина никто не слышал. К скупщикам ювелирных изделий никто предварительно не обращался. Соседи Анисковец по дому никаких подозрительных личностей возле квартиры убитой не встречали. Времени на все это ушло много, а толку – чуть. Дело с места не сдвигалось. И даже такая, казалось бы, ерунда, как давнишнее знакомство с обыкновенной домохозяйкой, – и та не хотела проясняться.

Но Настя была упряма, а кроме того, привыкла все проверять до конца. Если не получается найти ответ, двигаясь со стороны покойной Екатерины Венедиктовны, то можно попробовать пойти другим путем, двигаясь со стороны семьи Терехиных. Правда, источников информации не очень много, строго говоря, только одна Ира.

– Спросить, конечно, можно, – сказал Насте Стасов, – но вряд ли это что-нибудь даст. Галина Терехина потеряла память. Две ее дочери были шесть лет назад еще слишком малы, чтобы знать знакомых своей матери, а о младшем мальчике и говорить нечего. Если только Ирка что-нибудь знает.

– Стасов, я без тебя не справлюсь, – жалобно проныла Настя. – Твоя девочка такая бука, что вряд ли захочет со мной разговаривать. На тебя вся надежда.

Но Владислав надежд не оправдал. Ира старательно вспоминала, но никакую Екатерину Венедиктовну Анисковец среди знакомых матери или отца так и не вспомнила. Стасов, правда, записал имена других людей из окружения Терехиных, которых сумела вспомнить Ира.

– Попробуй поработать с ними, – посоветовал он Насте, – может быть, они знают твою старушку.

Совет был хорош. Еще бы его выполнить...

Встречи с людьми, некогда близкими с семьей Терехиных, оставили у Насти впечатление тяжелое и горькое. Она не понимала, как же так могло случиться, что четырнадцатилетняя девочка осталась в этой жизни совсем одна, и не нашлось взрослого человека, который подержал бы ее.

Первыми, кого назвала Ира, были супруги Боженков, когда-то давно жившие с Терехиными в одном доме, еще до того, как те переехали в Сокольники. Боженков-супруга оказалась скандальной теткой, начинавшей по любому поводу орать на собеседника, причем делала это не по злобе, а в виде защитной реакции на то, чего не понимала. Поскольку мозгов у нее было не густо от природы, да и те были нетренированные, понимала она так мало, что кричала почти все время с утра до вечера. При этом страх из-за непонимания ситуации оказаться обманутой приводил к тому, что чаще всего фразы она начинала словом «нет». Боженков-супруг, напротив, был немногословен и негромок и существовал без особых проблем, уютно устроившись и спрятавшись за громким базарным голосом жены, который отпугивал всех врагов.

– С Галей мы дружили, когда она еще замужем не была. Потом постепенно стали отдаляться. У нее, по-моему, крыша поехала.

– В чем это выражалось? – заинтересованно спросила Настя.

– Да ну, она совсем свихнулась, – махнула рукой Боженков-супруга. – В бога стала верить, про мессию что-то все время бормотала.

– Разве религиозность – признак сумасшествия? – удивилась Настя.

– Нет, а вы как думали? – тут же взвилась Боженков. – Это муж на нее так влиял. Он тоже в церковь ходил. Совсем голову ей заморочил.

– Вы никогда не слышали от Галины о Екатерине Венедиктовне Анисковец?

– Нет. Никогда не слыхала. А кто это?

– По моим сведениям, эта женщина знала Галину, и, когда случилось несчастье, она сказала: «Я знала, что добром это не кончится». Как вы думаете, что могли означать эти слова?

– Нет, а вы как думаете? Конечно, ее набожность. Я уверена, что она на этой почве свихнулась, потому и детей покалечила.

– После несчастья вы с Галиной не виделись?

– Нет, а зачем? – ответила Боженков вопросом на вопрос.

– Вы же дружили, много лет жили в одном доме. Неужели вы даже не поинтересовались, что стало со старшей девочкой, с Ирой?

– Нет, ну интересно вы рассуждаете, – она снова повысила голос. – Мы что, должны были ее в семью взять? У нас своих двое.

– Речь не об этом. Иру забрали в интернат, но ведь после несчастья и смерти отца она осталась совсем одна. Вам не приходило в голову, что семья ваших друзей нуждается в помощи?

– Нет, ну вас послушать, так мы же еще и виноваты во всем этом. Мы, что ли, детей из окна выбрасывали?

Она была непробиваема, как бронетранспортер. Слова «чужое горе» для нее не существовали в принципе.

– Кроме вас, у семьи Терехиных были друзья или хорошие знакомые?

– Лидка Евтеева, тоже наша соседка бывшая. Больше никого не знаю.

Имя Лидии Евтеевой было в том списке, который составил Стасов со слов Иры Терехиной. Но беседа с ней тоже мало что дала, во всяком случае, о Екатерине Венедиктовне она не слышала. Правда, из рассказа Евтеевой стало понятно, что года через два после замужества Галина Терехина стала быстро отдаляться от своих подруг.

– Она не ссорилась с нами, нет, но знаете... Никогда сама не позвонит, никогда в гости не позовет. Если я приходила, она меня, конечно, не гнала, за стол сажала, угощала, разговаривала со мной, но я все время видела, что ей это не нужно. Тяготится она. Я ей не нужна. И Нина Боженок на нее обижалась за это. По-моему, ей и муж не был нужен.

– А дети? – спросила Настя.

– Дети – другое дело. Она была вся в них. Только о детях могла говорить, только они ей были интересны. Это можно вынести ну два раза, ну три, но когда каждый раз тебе дают понять, что есть в этой жизни то, что доступно только Галине, но никак не тебе, тупой и ограниченной, это уж, знаете... Желание общаться как-то пропадает.

– Лидия Васильевна, а можно об этом поподробнее? – попросила Настя. – Я, честно сказать, не совсем поняла ваши слова.

...Лидия Евтеева не могла бы сказать, что Галина чем-то обидела ее, сказала что-то неприятное или оскорбительное. Галина вообще была спокойной, тихой и мягкой, но после рождения Ирочки она словно ушла в себя, погрузилась в одной ей видимый и понятный мир, который приносил ей радость. И делиться этой радостью она ни с кем не собиралась. Однажды, когда Ире было пять лет, а второй дочери, Наташе, два годика, Лидия, придя в гости к Терехиным, принесла подарки детям: букварь с красивыми картинками для Иры и очаровательное платьице для малышки. Галина платьице взяла с благодарностью, а букварь сразу же отложила в сторону и даже дочери не показала.

– Смотри, что я тебе принесла, – сказала гостя девочке, пытаясь привлечь внимание к подарку, который она так любовно выбирала.

Но Галина буквально вырвала у нее книжку и спрятала подальше в шкаф.

– Ей это не нужно, – строго сказала она Евтеевой.

– Но почему? Пусть учится читать, она уже большая, – возразила Лидия.

– У нее другое предназначение, – ответила Галина.

И так было почти всегда. Она бросала непонятные, загадочные фразы, исполненные какого-то потайного смысла, и не считала нужным нормально объясняться с подругами. С годами это становилось все заметнее и все тягостнее для окружающих. Терехины растеряли всех знакомых, к ним в дом никто не хотел приходить. После Наташи родилась Оленька, потом Павлик. Все дети у Терехиных были не очень здоровыми, постоянно болели то одним, то другим, и у Галины, занятой детьми, наверное, просто не было ни сил, ни времени поддерживать отношения с подругами. Года за два до несчастья Лидия перестала звонить ей и приходить. Галина, казалось, этого даже не заметила.

Однажды Лида встретила на улице неподалеку от своего дома Леонида Терехина, мужа Галины, с десятилетней Ирой. Леонид почему-то ужасно смутился, а Ира, простая душа, громко заявила:

– Мы ходили папиного друга дядю Гришу навещать, он болеет. Только вы маме не говорите, что нас видели, ладно? А то она ругаться будет.

– Ругаться? – страшно удивилась Лида. – Почему мама должна ругаться? Вы же не сделали ничего плохого.

Терехин смутился еще больше, ласково погладил дочку по голове и бросил на Лиду затравленный взгляд.

– Ирочка, добеги до булочной, мы с тобой забыли Наташе шоколадку купить, вот возьми деньги.

Когда девочка отошла подальше, зажимая в кулачке деньги, Леонид сказал:

– Лид, ты правда Галке не говори про нас, хорошо?

– Да в чем дело-то? Что вы такого страшного натворили?

– Ничего мы не натворили, Гришу Самсонова навестили, болеет он.

– Ну и что?

– Галка терпеть его не может. Запрещает мне с ним встречаться. А уж если узнает, что я Иру с собой брал, вообще убьет.

– Господи, чем Гришка-то ей не угодил? Сколько вас знаю, вы с ним друзья закадычные, и Галя всегда к нему нормально относилась. Поссорились, что ли?

– Ну, вроде того. Уж не знаю, в чем там дело, только однажды она мне сказала: «Дай слово, что с Самсоновым больше общаться не будешь». И больше ничего не объяснила. Ты ведь Галку знаешь, она как скажет – так все, как отрезала. И никаких объяснений. Спрашивай – не спрашивай, а результат один. Ничего не добьешься. Смотрит с тихой улыбкой, укоризненно так, и сам начинаешь себя виноватым чувствовать. Но что-то у них с Гришей произошло, это точно. Я ведь и с ним пытался поговорить, выяснить, в чем дело, а он усмехнулся и говорит: «Ты, Леня, на меня зла не держи, я твою жену ничем не обидел. Но и на нее не сердись. Незачем нам с нашими женщинами ссориться. Не велит она тебе со мной общаться – ну и ради бога. Будем встречаться потихоньку, без шума и пыли».

– Так и не выяснил ничего?

– Нет, – покачал головой Леонид. – Но я думаю, дело все выведенного яйца не стоит. Галка религией увлеклась, так я-то нормально это воспринимаю, нравится ей – и пусть, а Гриша – он воинственный очень, ехидный, на язык злой. Наверное, ляпнул что-нибудь про бога или про церковь, она и обиделась.

– Тяжело тебе с ней? – сочувственно спросила Лида.

– Я ее люблю, – просто ответил Терехин. – Люблю такой, какая она есть. А вот другим, наверное, действительно с ней тяжело. Нина Боженок сильно обижается, да и ты, Лидуня, тоже, я же вижу. Галка всех подруг разогнала, никто ей не нужен. Так ты не скажешь ей, что мы к Грише ходили?

– Не скажу, не волнуйся. Но все-таки не по-людски это, – укоризненно сказала Лида. – Как можно друзей разлучать из-за ерунды?

Вернулась Ира, неся в руке большую шоколадку в яркой обертке...

Когда в семье Терехиных произошла непоправимая беда, Лидии Евтеевой в Москве не было. За несколько месяцев до этого она вышла замуж за военнослужащего из Риги и уехала к нему в Латвию. Вернулась год назад вместе с мужем, который стал в силу русского происхождения и незнания латышского языка нежелательным элементом и был уволен в запас. Узнала от Нины Боженок о том, что случилось в семье Терехиных, и сразу же помчалась к Ире, но та встретила ее неприветливо и даже наругала. В квартире было полно каких-то шумных мужчин, говорящих не по-русски, и Лидия поспешила ретироваться, решив, что Ира занялась «делом» и в помощи не особо нуждается.

Григорий Самсонов, певец музыкального театра, жил неподалеку от Евтеевой, и Настя решила заглянуть к нему наудачу. Ей повезло, Самсонов был дома и, по-видимому, скучал,

так как к визиту сотрудника уголовного розыска отнесся с явным удовольствием. Ему хотелось поговорить. Стоял июнь, жена с детьми уехала на дачу, и певец рад был скоротать одиночество в обществе незнакомой женщины.

Ситуацию, о которой шла речь, он помнил очень хорошо.

– Да знаю я, почему Галка запретила Лене со мной общаться, – заявил он безапелляционно. – Боялась она.

– Чего боялась? – удивилась Настя.

– Я так думаю, что у нее был любовник. Может, и не был, но она тогда здорово перепугалась. Вся белая стала.

– Когда – тогда? Григорий Петрович, я ничего не понимаю из ваших слов. Давайте-ка все сначала и подробно.

– Я встретил Галку, когда она выходила от Катерины. Я хочу сказать – от Екатерины Венедиктовны Анисковец, но мы за глаза ее все Катериной зовем. То есть звали.

– Вы были хорошо знакомы с Анисковец?

– Ну... Как сказать... – Он улыбнулся и развел руками. – Мы все знали ее много лет. Она была большой ценительницей оперы и ходила в наш театр регулярно, не реже раза в неделю. Ее всегда приглашали на капустники, юбилеи, премьеры. Она у нас была чем-то вроде талисмана. Посмотришь в зал, видишь – Катерина сидит, значит, все в порядке, мир не перевернулся, все живы-здоровы. Но сказать, что я знал ее близко, нельзя. Она хорошо умела держать дистанцию, к ней в душу влезть было не так-то просто. – Расскажите, пожалуйста, как вы встретили Терехину.

– Я должен был заехать за Катериной, чтобы отвезти ее за город, на дачу к нашему главному режиссеру. У него было шестидесятилетие. Я подъехал к дому, поднялся на лифте, а в это время дверь Катериной квартиры открылась и на лестницу вышла Галка Терехина. Я страшно удивился: что ей тут делать? Никогда не слыхал, чтобы Катерина была с ней знакома. Галка стала белая как снег, на меня зыркнула, поздоровалась сквозь зубы и в лифт нырнула, я даже дверь еще закрыть не успел.

– А у Екатерины Венедиктовны вы не спрашивали о Терехиной?

– Спросил, а как же. Но она только головой покачала. Дескать, не спрашивайте, Гришенька, это не моя тайна, разглашать не имею права.

– Да какая же тут может быть тайна?

– О, какая угодно! – рассмеялся Самсонов. – Катерина обожала покровительствовать чужим романам. Достоверно знаю, что многим известным личностям она предоставляла приют в своей квартире для амурных встреч. Но назвать ни одного имени не могу. Катерина была просто на удивление неболтлива. Ей бы в разведке работать, честное слово.

– Можно ли из ваших слов сделать вывод, что в квартире Екатерины Венедиктовны Галина Терехина встречалась с кем-то из известных людей?

– Ну, насчет вывода – это сильно сказано. Но это вполне правдоподобно. Кстати, совсем не обязательно, чтобы эти встречи носили романтический характер. Не удивлюсь, если окажется, что у них там проходили спиритические сеансы или еще какая-нибудь дребедень в том же роде.

– Разве Анисковец была верующей? – спросила Настя. – Об этом никто из ее близких не говорил.

– Э, нет, Катерина была отъявленной безбожницей, но очень светской и за модой следила. Как пошла мода на экстрасенсов и медиумов – Катерина тут как тут. Она любила устраивать у себя «салоны», только повод дай. А поводом мог служить любой интересный или известный человек, актер, писатель, диссидент, экстрасенс. Кто угодно.

– Как вы думаете, Григорий Петрович, есть такой человек, который может знать, что общего было у Анисковец и Галины Терехиной?

Самсонов усмехнулся и покачал головой.

– Если и есть, то только один. Тот, с кем Галка встречалась в квартире Катерины. Ну и сама Катерина, разумеется, только теперь ведь ее не спросишь.

Что ж, круг замкнулся. Настя надеялась, выбрав путь от Терехиной к Анисковец, получить ответ на свой вопрос, но ничего у нее не вышло. Да, эти две женщины были знакомы, Марта Шульц не ошиблась. Ну и что? Имеет ли это какое-нибудь отношение к смерти Екатерины Венедиктовны? Вряд ли. Даже наверняка – никакого.

Глава 3

Вот уже который день Ира видела в ресторане этого типа. Не то чтобы он пялился на нее, но поглядывал часто и с явным интересом.

Ресторанчик «Глория» был крошечным и самым обычным, крутая мафия в нем не собиралась и разборок не устраивала. Просто приходил сборщик раз в месяц, хозяин отстегивал ему энную сумму, и все спали спокойно. Днем «Глория» работала как кафе, с восьми до одиннадцати – как ресторан, и было здесь всегда тихо и уютно. Посетителей было мало, в основном одни и те же люди, предпочитающие вкусно и недорого поесть рядом с домом, чем возиться с ужином на ночь глядя. И гардеробщик дядя Коля, и официантки, и буфетчицы почти всех клиентов знали по именам и пристрастиям в еде, и Ире нравилась та атмосфера семейности, которая здесь царила. К ней относились хорошо, подкармливали, обращались ласково. Особенно любил ее дядя Коля, который жил аккурат в той самой шестнадцатизатке, где Ира мыла лестницы, и видел ее ежедневно сначала с метлой в руках на улице, когда выгуливал пса, потом с тряпками и ведрами – в подъезде, а вечером – в «Глории».

– Уморишь ты себя, – вздыхал он. – Виданное ли дело – так надрываться на трех работах с утра до ночи.

Он еще не знал про вещевой рынок...

Сегодня незнакомый молодой мужик опять пришел один, сел в уголок, заказал, как и раньше, шашлык из осетрины, а из выпивки – джин с тоником. Но привычный распорядок оказался нарушенным. Ира драила противни, на которых днем жарились фирменные пирожки с капустой, когда почувствовала, что за спиной кто-то стоит. Она обернулась и увидела того посетителя, который так странно поглядывал на нее.

– Чего надо? – нелюбезно, но, впрочем, беззлобно спросила она.

– Ничего. Поговорить хочу, – ответил мужик.

– Ну, говори.

– Тебя как зовут?

– Ира.

– А я – Олег. Можно просто Алик. Вот и познакомились.

– Ну, познакомились. Так чего надо-то?

– Ничего мне не надо. Хотел спросить, что у тебя с лицом. Болееешь?

– Я с детства такая. Обмен неправильный. А тебе что за дело?

– Просто спросил. У тебя, наверное, жизнь тяжелая, да? Я смотрю, ты здесь каждый вечер как пчелка моешь-драишь-убираешь.

– Какая надо, такая и жизнь. Чего ты привязываешься?

Она разговаривала, стоя спиной к незнакомцу, испуганно оттирая жирную поверхность противней.

– Ты до которого часа работаешь?

– Пока всю работу не сделаю. Как получится.

– Живешь далеко отсюда?

– Рядом.

– Не страшно ночью возвращаться?

– Страшно, – она позволила себе слегка улыбнуться. – Но выхода-то нет. Мне работу на дом не принесут.

– Хочешь, я тебя провожу сегодня? – неожиданно спросил посетитель.

– Зачем? Чего тебе от меня надо?

– Ничего мне не надо, – снова повторил Олег. – Так как насчет проводить?

– Ну проводи, – она равнодушно пожала плечами. – Домой я тебя все равно не приглашу.

– А я домой и не напрашиваюсь.

Он вернулся в зал и снова принялся за свой джин с тоником. Через пять минут Ира про него забыла. Вспомнила только тогда, когда после одиннадцати вышла в зал мыть полы. Его столик был пуст. «Тоже еще, провожалыщик, – мысленно усмехнулась она. – Сбежал. Небось лежит под боком у какой-нибудь...» Додумать мысль до конца она не успела, потому что со стороны гардероба послышался голос дяди Коли. Гардеробщик с кем-то разговаривал. Ира прислушалась. Голос второго собеседника показался ей знакомым. Похоже, это был настырный Олег.

Она заставила себя преодолеть любопытство и спокойно домыть зал, прежде чем приступить к холлу и туалету. Выходя с ведром и шваброй из зала, она отчетливо понимала, что выглядит не лучшим образом: старые спортивные брюки, застиранная поблекшая майка, растрепанные волосы, усталое лицо. Ну и пусть. Ей работать надо. А ему не нравится – пусть катится куда подальше.

Олег не обратил на нее ни малейшего внимания, увлеченно обсуждая с дядей Колей что-то спортивное, не то футбол, не то хоккей. На минуту ей показалось, что он вовсе и не ждет ее, просто поговорит сейчас с гардеробщиком, помашет насмешливо ручкой – и гуд бай, королева помоек. Или, что тоже приятно, ждет он вовсе не ее, а официантку или буфетчицу. Она сразу пошла мыть туалет, втайне надеясь на то, что если Олег и уйдет, то сделает это по крайней мере не у нее на глазах. Однако он не ушел. В первом часу ночи Ира закончила работу, сложила ведро и тряпки в подсобку и направилась к выходу. Дядя Коля тут же загремел ключами – в его обязанности входило закрывать «Глорию» и по утрам открывать ее.

Ира вышла на улицу, демонстративно сделав вид, что не замечает Олега, а если и замечает, то совершенно не понимает, чего он тут торчит. Она слышала его шаги сзади, но, к ее большому удивлению, он не стал ее догонять. Просто шел следом. Борясь с нарастающей тревогой и с трудом преодолевая желание обернуться, она дошла до своего дома.

– Ну, проводил? – зло спросила Ира, останавливаясь перед дверью подъезда.

– Проводил, – спокойно ответил Олег.

Возле подъезда горел яркий фонарь, и теперь Ира смогла как следует рассмотреть его. Среднего роста, но, конечно, повыше ее самой, и лицо симпатичное, открытое. Одет дорого, хотя и просто. Джинсы с виду самые обычные, да и майка с курткой тоже, но Ира, целыми днями крутившаяся среди шмоток, хорошо знала, сколько это «обычное» стоит.

– Так чего же тебе все-таки надо, провожатый?

– Хочу убедиться, что ты дошла спокойно, ничего с тобой не случилось.

– И с чего вдруг такая забота? Время девать некуда?

– Есть куда. Забот полно, – неожиданно улыбнулся он. – Ладно, я пошел. Счастливо.

Он повернулся и не спеша пошел обратно в сторону «Глории». Ира сначала удивилась, потому что к метро нужно идти совсем в другую сторону, потом подумала, что Олег, наверное, живет где-то рядом, недаром же ходит почти каждый день ужинать в «Глорию».

В квартире было тихо и чисто. Новый жилец, Ильяс, как въехал – так через три дня умотал куда-то по делам, сказал, дней на десять. Георгий Сергеевич уже спал, свет в его комнате не горел. Ира поставила чайник на огонь и юркнула в ванную, где висело большое зеркало.

И чего этот тип к ней привязался? Рожа-то и в самом деле могла бы быть получше. Ира сказала ему правду, она с детства такая, поэтому привыкла к виду нездоровой кожи, покрытой противными розовыми прыщами, но с непривычки, наверное, смотреть неприятно. Волосы неухоженные, висят как пакля. Нет, ну действительно, чего он привязался?

Чайник на плите начал тихонько посвистывать, и Ира метнулась в кухню, торопясь выключить газ, пока свист не стал громким и пронзительным. Ей не хотелось беспокоить Георгия Сергеевича. Открыв холодильник, она с грустью убедилась, что, кроме маргарина и двух сосисок, там ничего нет. «Дура! – мысленно обругала она себя. – Тебе же Аня оставила пакет

с едой, а ты его забыла взять. Все из-за этого Олега дурацкого». Буфетчица Аня действительно оставляла ей пакет, Ира помнила, что в нем были два пирожка с капустой и кусочек колбасы. Она так разнервничалась из-за Олега, что забыла про пакет.

Сморщенные, усталые от собственной невкусности сосиски как-то не вдохновляли. Но и маргарин намазывать было не на что, купить хлеб она сегодня не успела, потому что сразу же после работы на рынке помчалась к сестрам в больницу и застряла там надолго, а когда возвращалась, магазины уже были закрыты. Конечно, для нормальных людей купить хлеб не проблема в любое время суток. Часов до десяти вечера в метро стоят бабки со свежими батонами, но у них намного дороже, чем в магазине. Она не имеет права на такие траты. У нее есть цель, и к этой цели она движется планомерно, подчинив ей все до самой мелкой мелочи. И даже лишняя тысяча рублей, которую нужно было переплатить за хлеб, отдаляла тот миг, когда Ира сможет наконец заплатить за лечение братика.

На холодильнике стояла красивая деревянная хлебница, которую Ира отдала в пользование жильцам, а сама свой хлеб хранила в холодильнике в полиэтиленовом пакете. В холодильнике он не плесневел, а ей нужно быть экономной. Воровато оглянувшись, Ира открыла хлебницу. Там лежал большой кусок лаваша и половинка «сокольнического». Отрезать кусочек, что ли?

Нет. Она решительно опустила деревянную крышку и отдернула руку, будто обожглась. Сроду не брала чужого, даже в интернате. И сейчас не будет. Да, она грубая необразованная нищая дворничиха, она же уборщица, она же посудомойка. Но не воровка.

Ира налила себе крепкого чая, бросила в чашку побольше сахара и уселась на табуретке возле стола. В квартире стояла тишина, и, как всегда, в этой тишине снова пришли мысли, которые она не любила и старалась гнать от себя. Почему она так живет? Кто в этом виноват? Мать? Да, именно так она думала все эти годы после того, что случилось. Но в последнее время в голову стали приходить и другие соображения. Почему мать внезапно «умом тронулась»? Что случилось? Что так сильно подействовало на нее? Если бы у нее сохранилась память... Иногда, когда она очень уставала, Ира начинала жалеть о том, что в ту страшную ночь успела убежать и спрятаться у соседей. Позволила бы матери и ее из окна вытолкнуть, может, не мучилась бы, как сейчас. Лежала бы себе в больничной койке на полном государственном обеспечении и горя не знала бы. Уж во всяком случае, кормили бы ее точно лучше, чем она сама себя кормит, пытаясь сэкономить жалкие крохи. А если бы очень повезло, то вообще убились бы насмерть. И никаких проблем.

* * *

Дом инвалидов находился довольно далеко, добираться туда нужно было на электричке. Настя Каменская знала, что мать Иры Терехиной потеряла память после падения с высоты, и ни на что, в общем-то, не рассчитывала, собираясь навестить Галину. Поехала больше для порядка.

Директор дома инвалидов ничего интересного Насте не рассказала, а вот сестра Марфа оказалась полезным собеседником. Полная, добродушная, лет пятидесяти, сестра Марфа в миру носила имя Раиса, но несколько лет назад ушла в монастырь, который был здесь же, неподалеку, и бескорыстно ухаживала за одинокими больными людьми. Галине Терехиной она уделяла особое внимание, ибо ей сказали, что Галина до несчастья была очень набожной.

– Навещает ее только дочь, – сказала Насте монахиня. – И есть еще один человек, который интересуется Галиной, но к ней никогда не заходит.

– Какой человек? – насторожилась Настя.

– Мужчина, очень интересный. Появляется примерно раз в три-четыре месяца, обязательно находит меня и спрашивает о Галине.

– Кто он такой? Он как-нибудь объяснил свой интерес к ней? Родственник, друг семьи?
– Не могу сказать, – мягко улыбнулась сестра Марфа. – Какое я имею право спрашивать его? Он сказал, что хорошо знал покойного мужа Галины, и мне приходится ему верить. Но у меня такое впечатление, что он – врач.

– Почему вы так подумали?

– По вопросам, которые он задает. Его интересует, какие лекарства дают Галине, чем она болеет. И знаете, что странно? Он никогда ничего не приносил для нее, ни гостинцев, ни подарков. Просто находил меня и задавал свои вопросы.

– И все? – Настя пристально посмотрела на круглолицую добродушную монахиню.

– Нет.

Сестра Марфа твердо и спокойно встретила Настин взгляд, ничуть не смутившись.

– Что еще?

– Он просил, чтобы я никому не рассказывала о его визитах. И платил мне за это деньги. На них я покупала разные мелочи для Галины – зубную пасту, мыло, конфеты, белье. На себя ни копейки не потратила, можете не сомневаться.

– Вы даже ее дочери не сказали об этом?

– Разумеется, нет. Я же дала слово. В конце концов, это тайна самой Галины, и я обязана ее сохранить. Но она этого человека не помнит. Она вообще ничего не помнит из того, что было до несчастья.

– Откуда вы знаете, что она его не помнит? Вы все-таки рассказали ей о нем?

– Нет, что вы, как можно. Он сам хотел убедиться в том, что у нее полная амнезия, и несколько раз прошел мимо нее, когда я вывезла Галину в парк на прогулку. Она не обратила на него никакого внимания.

– Может быть, они не были раньше знакомы? – предположила Настя.

– Возможно, – согласилась сестра Марфа.

– Очень любопытно. Давно этот человек был здесь в последний раз?

– Недели три назад.

– Значит, теперь он появится не скоро. Что ж, придется ждать. Сестра Марфа, я могу попросить вас об одолжении?

– Смотря о каком, – осторожно откликнулась монахиня.

– Я оставляю вам свой телефон. Если этот человек появится, позвоните мне сразу же. Только именно сразу же, а не тогда, когда он уже уйдет. Хорошо?

– Я постараюсь, – кивнула та.

* * *

Результаты посещения детской больницы, где лежали младшие дети Терехиных – Наташа, Оля и Павлик, – оказались такими же неожиданными. Неизвестный мужчина приходил и сюда, и тоже очень интересовался здоровьем детей. Последствия падения с высоты были у всех троих разными, общим было только одно – двигаться без посторонней помощи они не могли. Тринадцатилетняя Оля, например, остановилась в развитии, и сейчас ее интеллект был на уровне все той же семилетней девочки, какой она была, когда мать вышвырнула ее из окна. Переломанные кости никак не хотели срастаться, без конца возникали какие-то осложнения и воспалительные процессы в операционных швах, и девочка до сих пор должна была находиться в гипсе. Семнадцатилетняя Наташа, напротив, осталась интеллектуально сохранной и поражала врачей своей целеустремленностью, самостоятельно осваивая по учебникам школьную программу. Учебники ей приносила Ира. Несколько раз ее пытались перевести в специальный интернат для детей-инвалидов, где есть учителя, но врачей останавливало то, что девочка постоянно чем-нибудь болела и нуждалась в медицинской помощи. От малейшего сквозняка у

нее поднималась температура чуть ли не до сорока и держалась по несколько дней. Кроме того, недели не проходило без сердечного приступа. Главная трудность состояла в том, что и Оля, и Наташа страдали аллергиями на множество лекарств, и за то время, что они находились в больнице, весь персонал уже наизусть знал, что можно им давать, а чего нельзя. Аллергические реакции были у девочек настолько сильными, что малейшее промедление грозило ураганным отеком гортани и смертью от удушья. В такой ситуации отдавать детей в другое учреждение было опасным. Недоглядят еще, чего доброго. Загубят девчонок.

В отличие от визитов в дом инвалидов, где неизвестный мужчина ограничивался только беседами с сестрой-монахиней, приходя в больницу, он навещал девочек и маленького Павлика. Поэтому Настя сразу же попросила проводить ее к Наташе Терехиной. Наташа, красивая, но болезненно бледная девушка, закованная в специальный корсет, сидела на кровати, обложившись книгами. Кроме нее, в палате лежали еще пять подростков, и пять пар любопытных детских глаз тут же уставились на Настю.

Наташа Терехина была совсем не похожа на свою старшую сестру ни внешне, ни манерой поведения. Несмотря на тяжелую болезнь, она улыбалась и разговаривала с Настей с той старательной вежливостью, которую, бывает, демонстрируют люди, изо всех сил стремящиеся произвести хорошее впечатление. Настя невольно вспомнила свою единственную встречу с Ирой: та, судя по всему, нисколько не беспокоилась о впечатлении, которое она производит на окружающих.

– Дядя Саша – папин друг, – охотно стала объяснять Наташа, когда Настя задала вопрос о человеке, который навещает Терехиных-младших в больнице.

– А фамилия у дяди Саши есть? – поинтересовалась Настя.

– Николаев. Александр Иванович Николаев.

Из разговора с Наташей выяснилось, что «дядя Саша», он же некто Николаев, навещает их примерно раз в месяц, но ничего детям не приносит, кроме книг для Наташи. Откуда взялся этот человек, они не знали, во всяком случае, при жизни отца никогда его не видели и имени его не слышали. Он очень добрый и внимательный, следит за успехами Наташи в учебе и даже проверяет, как она решает задачки по физике и математике. Не жалея времени, объясняет ей те разделы школьной программы, которые она плохо поняла.

Медсестры тоже знали о «дяде Саше», однако отметили, что Олей и Павликом он почти не интересуется, большую часть времени проводит с Наташей, а с младшими посидит минут десять, не больше. Правда, об их здоровье выпрашивает каждый раз очень подробно. Как выглядит? Лет пятидесяти, приятное лицо, волосы темные, с проседью, особых примет нет.

– Мы, знаете, даже подумываем, что Наташа – его дочь, – по секрету сообщила Нате одна из медсестер. – Наверное, у него был роман с их матерью. Поэтому он другими детьми меньше интересуется, так только, для виду, чтобы в глаза не бросалось, что он одну Наташу выделяет.

Похоже, она была недалеко от истины. Во всяком случае, предположение это выглядело вполне логичным. И если именно с ним когда-то встречалась Галина Терехина на квартире у Екатерины Венедиктовны, то можно с чистой совестью эту линию оставить. С убийством Анисковец это никак не связано.

Но все-таки что-то мешало Нате окончательно отказаться от проверки семьи Терехиных. Это «что-то» было настойчивым интересом таинственного дяди Саши к здоровью Галины Терехиной и ее троих детей. Только троих, хотя всего детей было четверо. Старшая, Ира, почему-то его не интересовала. Или все-таки интересовала?

* * *

Все жильцы подъезда, в котором находилась квартира покойной Анисковец, уже знали Мишу Доценко в лицо и по имени. Не осталось ни одного человека, которого он не опросил

бы самым подробным образом. Доценко твердо знал, что между «видел» и «обратил внимание» – дистанция не так уж велика, как думают многие. Человеческий мозг фиксирует все, что видят глаза и слышат уши, и складывает в хранилище, к которому нужно уметь подобрать ключ. Идущего по улице человека видят десятки и сотни людей, и совершенно неправильно впоследствии заявлять, что «его никто не видел». Трудолюбию и упорству молодого оперативника можно было позавидовать. В итоге он все-таки сумел выяснить, что незадолго до убийства в доме появлялся человек, которого раньше там не видели. Точнее, не видели те, кто жил в доме недавно, правда, таких было все-таки большинство. Мужчина лет пятидесяти, приятной наружности, волосы темные, седоватые. Никто особенно в его лицо не всматривался, так что никаких особых примет названо не было. Правильные черты, нос с небольшой горбинкой.

Доценко еще раз обошел «старожилов» – тех, кто жил в доме больше шести-семи лет, то есть до случившегося в семье Терехиных несчастья. Старания его были вознаграждены: один из жильцов припомнил, что мужчину с такими приметами он видел неоднократно, но много лет назад.

Таким образом, появилась новая рабочая версия: некий мужчина, встречавшийся на квартире у Екатерины Венедиктовны с Галиной Терехиной, перестал сюда приходить после того, как Галина и трое ее детей оказались в больницах. С тех пор прошло шесть лет. Все эти шесть лет тот же мужчина постоянно появлялся возле Галины и ее детей и интересовался их здоровьем, а совсем недавно его вновь видели в доме, где жила Анисковец, после чего саму Анисковец находят убитой. Миленькая история, ничего не скажешь.

– Версия, прямо скажем, дохленькая, – заметил Юра Коротков, когда Настя описала ему свои поездки в дом инвалидов и в больницу.

– Кто может лучше – пусть сделает, – пожала она плечами.

– Но здесь же дыра на дыре, – возмутился Юра. – Неужели ты сама не видишь?

– Вижу, – невозмутимо согласилась Настя. – Но лучше латать дыры, чем сидеть сложа руки и охать по поводу безвременной кончины Екатерины Венедиктовны. Самое главное – установить идентичность четырех мужчин: первый встречался с Терехиной, второй приходил в дом инвалидов и задавал массу вопросов монахине сестре Марфе, третий навещает в больнице детей Галины, уделяя при этом особое внимание Наташе, а четвертый появился на горизонте незадолго до убийства Анисковец. Описание внешности такое расплывчатое, что под него подойдут сотни мужчин соответствующего возраста. И из моей, как ты изволил выразиться, дохленькой версии моментом вырастают еще несколько в зависимости от того, сколько этих мужчин на самом деле – один, двое, трое или четверо. Ловишь идею?

– Твою идею поймал, как же, дожидайся, – проворчал Коротков. – Слушай, пусть переночевать, а?

Переход был таким резким, что Настя чуть не поперхнулась глотком кофе.

– Тебя что, из дома выгнали?

– Не то чтобы выгнали, но лучше мне там пару дней не появляться. Я бы к Коляну напросился, как раньше, но теперь неудобно, у него Валентина живет.

Да, после того, как Коля Селуянов познакомился с Валентиной, проблема «конфликтных» ночевек встала для Юры Короткова особенно остро. Раньше он, бывало, без малейшего смущения отправлялся ночевать к товарищу, поскольку после развода Селуянов жил один в большой квартире. Теперь же присутствие очаровательной Валечки сильно осложнило ситуацию. Дело было не в тесноте – в трех селуяновских комнатах они все разместились бы свободно, – а в деликатности, которая не позволяла Юре нарушать уединение влюбленных друг в друга людей. При этом на Настину однокомнатную квартиру эта деликатность почему-то не распространялась. Юре вполне достаточно было знать, что Настин муж в данный момент в отъезде, чтобы попросить приютить себя.

– Поехали, – кивнула Настя. – Постелю тебе на раскладушке. Только у меня еды нет.

– Ничего, купим по дороге, – оживился Юра. – Заодно и порепетируем душераздирающую сцену завтрашней оперативки. Я прямо вижу, как Колобок будет нас с тобой мордой об стол возить за дело Анисковец.

– И будет прав, – мрачно добавила она. – Столько дней прошло, а мы топчемся на месте.

– Ну ты, мать, не права, – развел руками Коротков. – Мы же попытку ограбления отработывали, все каналы сбыта проверяли. Между прочим, могу тебе похвастаться, я соседям здорово помог. Заказчиков на коллекцию Анисковец я не нашел, что верно – то верно, зато обнаружил следы заказа на кражу у крупного антиквара. Ребята там профилактические мероприятия развернули по всему фронту, ждут воров с распростертыми объятиями. А представь себе, если эти воры готовы пойти на убийство хозяев? Тогда я, умный сыщик Коротков, еще и от трупa нас избавил. А ты меня даже не похвалишь, только ругаешься и ворчишь.

– Да что я, – Настя рассмеялась и ласково взъерошила ему волосы, – вот Колобок завтра будет ругаться – мало не покажется. Я вообще ангел рядом с ним.

Они сели в старенькую Юрину машину, давно уже дышащую на ладан, и поехали на Щелковское шоссе, где жила Настя. Дома они на скорую руку приготовили ужин из полуфабрикатов, при этом Коротков не переставал ныть по поводу Настиной нехозяйственности.

– Сюда нужно добавить чеснок и какую-нибудь приправу.

– Чеснока нет. А приправы, наверное, есть, но я не знаю, куда Лешка их кладет.

– Но майонез у тебя хотя бы есть?

– Кажется, нет. Надо в холодильнике посмотреть.

– Ну ты даешь! Даже не знаешь, что у тебя есть, а чего нет.

Он открыл дверцу холодильника и присел перед ним на корточки.

– Мать честная! У тебя ж тут кастрюля с супом стоит!

– Да? – искренне удивилась Настя. – Ну надо же, а я и не знала. А что там еще есть интересного?

– Остатки жаркого, кажется, из баранины. Сыр в огромных количествах. Ты когда сюда заглядывала в последний раз?

– Да ну тебя, Коротков, отстань, – отмахнулась Настя. – Я хватаю кусок, который лежит поближе, быстро его съедаю и заваливаюсь спать.

– Вот кикимора, – Юра осуждающе покачал головой. – Лешка старался, готовил тебе еду, чтобы ты с голоду не померла, пока он в командировке, а ты ведешь себя кое-как.

– Не обзывайся, а то не дам раскладушку, будешь на полу спать. Ладно, вытаскивай суп, его и в самом деле надо съесть, а то Лешка обидится.

Ужин оказался неожиданно обильным и сытным, и Настя с Юрой, с голодухи разом впихнувшие в себя такое количество продуктов, уже не могли пошевелиться.

– Слушай, – с ужасом сказала Настя, – я, кажется, даже встать не могу. Обжорство – большой грех.

– Ну посидим еще за столом, куда спешить-то? – флегматично откликнулся Коротков. – Когда Лешка возвращается?

– Через три дня.

– Скучаешь?

– Я? – от такого предположения Настя даже сигарету из пальцев выронила.

– Ну не я же. Чистяков – твой муж, а не мой.

– Нет, не скучаю. Ты же знаешь, Юрик, я никогда не скучаю.

– Ни по кому? – недоверчиво переспросил он.

– Ни по кому. Я до противного самодостаточна. Ино-гда мне кажется, что мне вообще никто не нужен. Кошка, гуляющая сама по себе.

– Ася, а тебе не бывает страшно от твоей самодостаточности?

– Бывает, – усмехнулась она, – регулярно. Но я с этим борюсь.

– Каким образом?

– Уговариваю себя, что всему виной моя работа, которая отнимает столько времени и сил, что уже нет желания ни с кем общаться. И потом, у меня есть Лешка, который заменяет мне друг, друзей и любовников, вместе взятых. Кстати, о друзьях. Мы с тобой забыли Стасову позвонить.

– Точно! – спохватился Коротков. – Растяпы мы. Сейчас уже поздно, наверное, неудобно беспокоить.

– Поздно? А который час?

– Половина первого.

– Тьфу ты, Юрка, вот вечно ты со своими философскими идеями голову мне морочишь. Ладно, утром позвоним. Пошли укладываться.

Она постелила Короткову на раскладушке и по законам гостеприимства предоставила ему право первому идти в душ. Забравшись в постель, Настя свернулась калачиком и устало прикрыла глаза, но сна не было. Мысли ее то и дело возвращались к Ире Терехиной, которая по воле злой судьбы осталась на всем белом свете совсем одна, хотя ее вины в этом не было.

– Нет, я не понимаю, – внезапно произнесла она вслух.

– Чего ты не понимаешь? – сонно отозвался Коротков, который уже успел задремать.

– Ничего не понимаю. Девчонка колотится изо всех сил, надывается на четырех работах, и ни один человек не хочет ей помочь. Ведь были же у ее родителей друзья, так где они сейчас? Неужели время так сильно людей изменило? Я не понимаю, Юрик, куда делось сострадание, сочувствие, да обыкновенная жалость, наконец! Ну почему ни у кого сердце не дрогнуло? Я хорошо помню, как мы жили, когда мне было четырнадцать лет. И если бы, не дай бог, с моей семьей что-нибудь случилось, нашлось бы как минимум семей десять, которые помогли бы мне, поддержали. Я бы совершенно точно одна не осталась. И в интернат меня не позволили бы забрать. А сейчас что происходит?

– А то и происходит, что ты видишь на живом примере Терехиной. Деньги отравляют людей, Асенька. Весь цивилизованный мир живет с врожденным пониманием того, что у одних людей денег много и даже очень много, а у других их мало или совсем нет. Это нормальное течение жизни, и не надо по этому поводу психовать. А наши сограждане выросли с мыслью, что денег у всех должно быть одинаково мало. Поэтому когда вдруг привычное течение жизни у нас нарушилось, да еще так резко, психология не успела перестроиться. Виданное ли дело, когда у человека пенсия размером со стоимость единого проездного билета на городском транспорте. А у соседа три машины и два загородных дома, и за один поход в супермаркет этот сосед тратит на продукты три старушкиных пенсии. Что это может вызвать, кроме злобы, зависти, равнодушия к чужой беде и неоправданной жадности?

– Да, наверное, ты прав, – задумчиво сказала Настя. – Плюс ко всему отсутствие уверенности в том, что завтра все не отберут. Поэтому даже состоятельные люди не занимаются благотворительностью. Боятся, что завтра власть переменится, источник дохода прикроют, и стараются подкупить побольше, чтобы потом до конца жизни прилично существовать. И при всем этом ходит по городу некий человек, который живо интересуется матерью, сестрами и братом Иры Терехиной. Зачем, Юра? Откуда у него этот интерес? И почему он совершенно не интересуется самой Ирой?

– Слушай, ты меня замучила, – жалобно сказал Коротков. – У тебя всегда вопросы так интенсивно рождаются, когда спать надо? Найдем мы этого Николаева и все у него спросим. Потерпи.

– Извини, – виновато сказала Настя. – Спокойной ночи.

Она уже сейчас была уверена, что никакого Александра Ивановича Николаева они не найдут. Спасибо, конечно, что не Иванов Иван Петрович, но разница, в сущности, невелика.

* * *

Зоя была полной противоположностью Верочке. Неяркая, забитая, до тридцати семи лет просидевшая в старых девах, она беременность свою воспринимала как божий дар, а на него смотрела как на высшее существо – с немим обожанием и восторгом. И несмотря на то, что он был отцом ее будущего ребенка, называла на «вы». О законном браке она в отличие от энергичной и предприимчивой Веры даже не заикалась.

В работе с Зоей методика была другой, ей нужно было приходить на процедуры каждую неделю. Он строго следил за тем, чтобы обе женщины не столкнулись в его кабинете.

– Вы столько со мной возитесь, – робко сказала Зоя, одеваясь после процедуры. – Даже не знаю, как я смогу вас отблагодарить.

– Не говори глупости, – раздраженно буркнул он. – Это же наш общий ребенок, я должен заботиться и о тебе, и о нем. Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо. Только страшно немножко. Говорят, в таком возрасте рожать в первый раз опасно. Как вы считаете, все обойдется?

– Естественно. Выбрось это из головы. Ты – нормальная здоровая женщина, все должно пройти без осложнений. Я же не зря проверяю тебя каждую неделю.

Зоя была на четвертом месяце, но на нее он возлагал самые большие надежды. Двадцать лет упорного труда, бессонных ночей, связей с нелюбимыми женщинами должны были наконец принести долгожданный результат. И если Зоя оправдает его надежды, он, пожалуй, женится на ней. В виде благодарности судьбе. Отношения с Зоей – тот капитал, на ренту от которого можно будет существовать до конца дней. Она будет счастлива стать его женой. А стало быть, будет все ему прощать и преданно за ним ухаживать всю оставшуюся жизнь.

Но вообще-то она права, первые роды в тридцать семь лет – штука рискованная. Разумеется, он следит за состоянием ее здоровья, но нужно будет в роддоме подстраховаться, пусть пригласят хорошего кардиолога, да и хирург не помешает, если Зоя не сможет родить сама и придется делать кесарево. Нельзя рисковать ни самой Зоей, ни тем более ребенком. Малыш должен быть вскормлен материнским молоком, иначе все бессмысленно.

– У вас скоро день рождения. Вы не рассердитесь, если я сделаю вам подарок?

Господи, ну до чего трогательное существо! Почему он должен рассердиться? Совсем наоборот.

– Зоенька, детка, конечно, мне очень приятно, что ты помнишь о дне моего рождения, – тепло сказал он. – Но ты не должна тратить деньги на меня. К сожалению, я не могу тебе помогать так, как должен и как хотел бы, я сам зарабатываю не очень много, а ведь у меня семья, жена, дети, ты же знаешь. И мне самому будет неловко, если ты будешь покупать мне подарки.

– Что вы, – залепетала Зоя, глядя на него как на икону, – как вы можете так говорить, вы ничего мне не должны, ни помогать, ни денег давать. Мне ничего не нужно, у меня все есть. Так вы не рассердитесь?

Он слегка обнял ее и поцеловал в приятно пахнущие шампунем волосы. На каждую встречу с ним Зоя собиралась, как на первое свидание, мыла голову, надевала хорошее белье, делала маникюр, хотя в последнее время все их встречи проходили, за редким исключением, в его кабинете и в лаборатории. Став беременной, она не требовала плотских утех, как ненасытная, жадная до удовольствий Вера, молодая и полная сил красавица. Она вообще ничего не требовала, кроме права тихо и беззаветно любить его.

– Иди, милая, – ласково сказал он, – у меня много работы.

Он не лгал, работы было действительно много. За ним по плану числились две статьи в толстые научные журналы, к написанию которых он еще не приступал, даже эмпирический

материал собрал не полностью. Кроме того, на столе с прошлой недели лежит толстая рукопись чьей-то монографии, присланной на рецензирование, а он ее пока не открывал. А ведь есть еще его собственная работа, та, которая для него интереснее и важнее всего. Она ничего не принесет ему, ни мировой славы, ни денег, ни признания людей, ибо о ней никто никогда не узнает. Кроме него самого, разумеется. Двадцать лет он работает над своей идеей, и вот теперь, кажется, близок к завершению. Только успех принесет ему успокоение. Пусть даже никто об этом успехе и знать не будет. Ему вполне достаточно, если он сможет сказать сам себе: «Я сделал это. Я доказал, что я прав. Теперь я могу делать то, чего не может больше никто во всем мире».

После этого можно будет спокойно доживать свой век рядом с какой-нибудь тихой, непритязательной, вечно благодарной Зоей. И грехи, совершенные во имя идеи, не будут беспокоить его совесть.

* * *

Опасения Насти и Короткова не были напрасными. На утреннем оперативном совещании полковник Гордеев по прозвищу Колобок еще раз продемонстрировал всему отделу по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями, что любимчиков у него нет. Отсутствие результатов по раскрытию убийства Екатерины Венедиктовны Анисковец получило должную оценку, и оценку эту при всем желании нельзя было назвать даже удовлетворительной.

– Очень плохо, – подвел неутешительный итог Гордеев. – Все свободны. Анастасия, останься.

Настя вжалась в спинку стула, ожидая разноса. Она знала, что Виктор Алексеевич никого не обижает прилюдно, самые резкие слова приберегая для разговора один на один, поэтому приготовилась к худшему. Правда, удивляло то, что полковник не оставил Юру Короткова, да и Мишу Доценко отпустил. Не в его правилах было искать стрелочников и спускать собак на «крайнего».

Когда они остались в кабинете одни, Колобок уселся за стол для совещаний рядом с Настей, снял очки и привычно сунул пластмассовую дужку в рот.

– Ну, рассказывай, – вполне миролюбиво произнес он.

– О чем рассказывать?

– О деле Анисковец. Моя вина, я запустил это дело, ослабил контроль, уверен был, что все крутится вокруг коллекции и бриллиантов. Мне давно нужно было поговорить с тобой. Что тебя гложет, Стасенька? Что не так с этим делом?

– Да все не так! – в отчаянии вырвалось у нее. – Я вообще ничего в нем не понимаю.

– Ну, это не редкий случай, – усмехнулся полковник. – Такие слова я слышу от тебя по меньшей мере раз в месяц на протяжении десяти лет.

– Виктор Алексеевич, у меня версии абсолютно бредовые, и пути их проверки тоже не лучше. Но я сама не справлюсь, мне рожки быстро обломают.

– Вот это уже лучше, – кивнул полковник. – По крайней мере похоже на деловой разговор. Хотя насчет бредовых версий я от тебя тоже что-то слышал. И было это, если память мне не изменяет, раз двести за все время нашего знакомства. Так что не старайся меня напугать и тем более удивить. Что там такое?

– По свидетельствам людей, близко знавших Анисковец, она была хранительницей множества сердечных тайн, у нее дома устраивались свидания, участниками которых были известные люди. Беда вся в том, что тайны эти она действительно хранила. Во всяком случае, никто из тех, с кем мне довелось поговорить, не смог назвать ни одного персонажа этих амурных историй.

– Не смог или не захотел назвать? – уточнил Гордеев.

– Не знаю, – призналась Настя. – Но факт тот, что не назвали. И среди этих участников есть человек, который ведет себя более чем странно. У меня есть веские основания полагать, что он как-то причастен к убийству. Но как его найти – ума не приложу.

Она подробно рассказала начальнику о таинственном мужчине с приятным лицом.

– Поэтому действовать нужно поэтапно. Сначала следует по возможности убедиться, что речь идет об одном и том же человеке. А потом постараться его найти. Тут есть два пути, один гарантированно принесет успех, но он совершенно тупой...

– Кто тупой? – не понял Гордеев. – Успех или мужчина с приятным лицом?

– Путь тупой. В смысле – примитивный и нетворческий, а главное – требующий отрыва от работы большого числа людей и на неопределенное, но наверняка длительное время. Я имею в виду, что можно устроить засады в доме инвалидов и в больнице и тупо ждать, когда он там появится.

– А второй путь?

– Попытаться найти его через тех людей, которые были знакомы с Анисковец. Тут есть нюанс, Виктор Алексеевич. С теми, чьи тайны она не хранила, Анисковец и не была особенно откровенна. Трое самых близких ей людей – бывший муж Петр Васильевич Анисковец, друг детства коллекционер Бышов Иван Елизарович и задушевная подруга Марта Генриховна Шульц – услугами гостеприимной квартиры не пользовались. Но если найти людей, которые устраивали там свидания, то вполне может оказаться, что как раз эти-то люди знают, кто еще, кроме них, бывал у Анисковец по своим амурным делам. Я почти уверена, что с ними она не была так сдержанна.

– Откуда такая уверенность? – вздернул брови Колобок.

– Это не уверенность, – покачала головой Настя. – Это надежда на то, что с точки зрения психологии Анисковец была нормальной женщиной. Потребность поделиться секретом – вещь совершенно естественная независимо от того, чей это секрет, твой собственный или чужой. И эта потребность реализуется обычно в двух формах: человек либо ведет дневник, либо секрет разглашает. Скажу вам честно, когда выяснилось, что у Анисковец ценности не похищены, я сразу подумала о дневнике. Но все трое самых близких друзей Екатерины Венедиктовны в один голос заверили меня, что привычки вести дневник она не имела никогда. Я допускаю, что Бышов и Шульц могли этого не знать, хотя это и маловероятно, но муж, с которым она прожила много лет, не знать об этом не мог. Значит, она с кем-то делилась. В противном случае мне придется признать, что Екатерина Венедиктовна Анисковец была резидентом иностранной разведки и в свое время прошла соответствующую психологическую подготовку в специальном учебном центре.

– А что? – оживился Гордеев. – Старушка-шпионка – в этом что-то есть. Свежая идея. Ладно, смех смехом, но ты, пожалуй, права, Стасенька. Судя по рассказам знакомых, Анисковец была нормальной жизнерадостной дружелюбной теткой, стало быть, и психология у нее должна быть нормальной. Перечень выдающихся деятелей эпохи застоя, которые водили к ней своих любовниц, у тебя есть?

– В том-то и дело, что нет. Но это люди из ее круга, это ее знакомые, с которыми она встречалась на светских мероприятиях, премьерах, юбилеях и банкетах. Надо в первую очередь составить как можно более полный перечень таких людей, а потом остороженько выбрать из них тех, кто изменял супругам, прикрываясь широкой спиной Екатерины Венедиктовны. Среди этих легкомысленных любовников должен быть хотя бы один человек, который знает, кто такой мужчина с приятным лицом, встречавшийся с Галиной Терехиной. А может быть, нам повезет, и этот мужчина окажется в списке знакомых.

– Понял. И в чем проблемы?

– Да в том, что они разговаривать со мной не станут. Ну представьте себе, Виктор Алексеевич, приду я к какому-нибудь бывшему министру и начну расспрашивать про хозяйку квар-

тиры, где он баб, извините за грубость, трахал. Бывший министр быстренько мне объяснит, что у меня большое воображение, и выставит за дверь с позором. Вы много видели на своем веку людей, которые во имя раскрытия какого-то убийства пойдут на разглашение собственных секретов себе же во вред?

– Мало, – согласился Гордеев. – То есть так мало, что навскидку и не вспомню, было ли такое вообще. И что ты предлагаешь?

– Не знаю. Я только вижу, в чем трудность, а как ее преодолеть – не знаю. Одна надежда, что после составления списка знакомых Анисковец фигурант сам на глаза попадется. Есть предположение, что он врач.

– А если не попадется?

– Тогда буду думать. Но до этого еще далеко, Виктор Алексеевич. Надо пока что с внешностью определиться.

– Тогда не тяни. Я сегодня Мише Доценко рапорт на отпуск подписал.

– Как на отпуск? – в ужасе охнула Настя. – С какого числа?

– С десятого июля. Не уложите – пеняй на себя.

Вернувшись к себе, Настя стала обзванивать близких знакомых Екатерины Венедиктовны Анисковец и договариваться с ними о встречах.

Не говорила ли Екатерина Венедиктовна незадолго до гибели, что объявился какой-то старый знакомый, с которым она несколько лет не встречалась?

Не помнят ли они среди ее знакомых темноволосого седоватого мужчину с приятным лицом?

Не было ли в кругу знакомых Анисковец людей, близких к медицине?

И еще множество других вопросов нужно было задать. И не было никакой уверенности в том, что ответы прольют хоть какой-нибудь свет на тайну убийства пожилой женщины.

Глава 4

Когда Стасов попросил Иру встретиться с Анастасией Каменской и ответить на ее вопросы, Ира категорически отказалась ехать на Петровку.

– Да ну, дядя Владик, чего время терять-то, – заявила она. – Я могу только с пяти до десяти, но мне за это время нужно квартиру убрать и по магазинам пробежаться, Наташка учебник какой-то заумный просила, надо поискать. Нет у меня времени на пустые разговоры.

– Это не пустые разговоры, Ирина, – строго сказал Стасов. – В конце концов, мои друзья на Петровке не жалеют времени на то, чтобы проверять твоих челночно-торговых жильцов, так что не будь неблагодарной.

– Да в чем дело-то? – сердито спросила она. – О чем нужно разговаривать? С моими родителями и так все ясно, чего опять копать. Столько лет прошло...

– Ира!

– Ну ладно, ладно, – сдалась она. – А может, эта ваша Каменская сама ко мне домой приедет?

И Стасов сжалился над ней. Он знал, когда, где и сколько работает его бывшая соседка, и понимал, что проводить по восемнадцать-двадцать часов в сутки на ногах – вещь непосильная даже для здорового мужика.

– Давайте завтра часиков в пять, – предложила Ира. – В это время дома никого не будет, поговорим спокойно. Только вы тоже приходите, дядя Владик, я без вас разговаривать не буду. Я ментов боюсь.

Накануне она оглядела критическим взглядом свое жилище. Ничего, прилично. Конечно, иностранных послов принимать здесь нельзя, но для обычного делового визита сойдет. Все-таки она старалась не запускать квартиру, чтобы не стыдно было перед жильцами. Ильяс еще не вернулся из поездки, а Георгий Сергеевич приходит с работы около восьми, а то и позже, ему через весь город ездить приходится, он говорил – в один конец полтора часа. Тем более завтра он, кажется, собирался ехать смотреть квартиру – бывшая жена нашла какой-то очередной вариант обмена, Ира слышала, как он по телефону договаривался. Надо будет прибежать чуть пораньше, быстренько протереть полы, смахнуть пыль, проверить кухню, чтобы посуда грязная в раковине случаев не залежалась. И пусть приходит дядя Владик с этой своей милиционершей, если уж им так приспичило.

На другой день она сорвалась с рынка, едва самые удачливые продавцы, продав запланированное количество товара, начали собирать вещи с прилавков, хотя обычно «дорабатывала» до последнего момента. Примчалась домой, навела марафет в прихожей, кухне и в своей комнате, умылась и переоделась. Вообще-то эта женщина с Петровки была ей глубоко безразлична, но перед дядей Владиком неудобно, не хочется в грязь лицом ударить.

Ровно в пять часов раздался звонок в дверь. На пороге стоял Стасов и та женщина, к которой они недавно заходили, когда Ира была на Петровке.

– Проходите, – буркнула она, с удовлетворением отметив, что женщина одета ничуть не лучше ее самой: джинсы не из самых дорогих и простая хлопчатобумажная ковбойка в мелкую голубую клеточку, на ногах – темные туфли без каблука.

Поздороваться Ира по обыкновению забыла.

* * *

Настя оглядывала жилище Иры Терехиной, стараясь, чтобы ее любопытство не бросалось в глаза. Было заметно, что девчонка изо всех сил старается содержать квартиру в приличном

виде, но все равно бедность выглядывала из всех щелей. Отрывающиеся обои подклеены скотчем, потолок давно не белили целиком, а только подкрашивали в тех местах, где появлялись темные пятна.

Однако неприветливость хозяйки Настю не обманула, влажный блеск линолеума красноречиво говорил о том, что к приходу гостей, хоть и незваных, здесь готовились.

– Чай будете пить? – все так же хмуро спросила Ира.

– Нет, спасибо. Мы постараемся вас долго не задерживать.

– Тогда пошли в комнату.

Поддерживать порядок в этой маленькой комнатке было, вероятно, совсем несложно. Мебели – минимум, диван, два стула, платяной шкаф. Даже стола нет, хотя место позволяло. Настя поняла, что все хорошие вещи Ира перенесла в комнаты к жильцам. Наверняка там есть и кресла, и журнальный столик, и настольные лампы. Если уж брать деньги за жилье, то по-честному. Не конуру с голыми стенами сдавать, а прилично меблированную комнату.

– Ира, вы слышали когда-нибудь о человеке по фамилии Николаев? – приступила Настя к делу.

– Это который в больницу ходит? Наташка говорила.

– А вы сами с ним знакомы?

– Нет. Ко мне он не ходит, – усмехнулась Ира.

– Кто он такой? Откуда взялся?

– Не знаю, – она равнодушно пожала плечами.

– Но ведь он навещает ваших сестер и брата. Значит, он знакомый вашей семьи.

– Ну и что?

Ира посмотрела на Настю с искренним недоумением.

– Ходит – и пусть ходит. Мне-то что за дело? Носит книги Наташке – и спасибо, мне трат меньше.

– Ира, но это как-то...

Настя даже не смогла сразу подобрать слова, настолько нелепой оказалась ситуация.

– Неужели вам не интересно, кто он такой? Какой-то посторонний мужчина навещает в больнице ваших родных, а вы так спокойно к этому относитесь.

– Слушайте, чего вы хотите от меня? Когда маманя их из окна повыбрасывала, а отец умер от горя, что-то никакой мужчина не пришел помочь предложить. Кинули меня, как кутенка в воду, и барахтайся как хочешь. А если потом в ком-то из этих сволочей совесть проснулась, так за ради бога. А мне с ним встречаться ни к чему. Кто он мне? Сват, брат? Хотел бы помочь – ко мне пришел бы, спросил, не надо ли чего. В больницу к детям ходить с пустыми руками – не надо быть сильно добрым.

– Хорошо, оставим это, – спокойно сказала Настя. – Вы не помните среди знакомых своих родителей темноволосого симпатичного мужчину? Ему тогда могло быть лет сорок пять или чуть меньше.

– Нет, не помню. А зачем он вам?

– Нужен. Он говорит, что знал вашего отца. И мне нужно его найти. Я, честно признаться, очень надеялась на вашу помощь. Видимо, я ошиблась. Жаль. Подумайте как следует, Ира. Его зовут Николаев Александр Иванович.

– Я же сказала – не знаю такого. Ну я не вру, ей-богу, – вдруг по-детски жалобно сказала Ира. – Почему вы мне не верите?

Настя верила. Она понимала, что двадцатилетняя девушка, крутящаяся целыми днями с метлами, лопатами, тряпками, ведрами, разносящая еду, напитки и сигареты по торговым рядам, уже не находит в себе сил, чтобы интересоваться каким-то мужчиной, который иногда приходит в больницу к ее искалеченным сестрам и братику. У нее совсем другие заботы, у нее совсем о другом болит голова, а если от этого неизвестного мужчины нет никакого вреда, то

о нем можно и не думать. Думать надо только о том, как собрать денег на лечение маленького Павлика.

– Ира, а вы никогда не слышали от своих родителей о том, что у них есть знакомый врач?

– Нет, – девушка покачала головой. – Врачей не было.

– А кто был?

Ира подняла голову, и внезапно Настя увидела, как глаза ее наливаются слезами.

– Да никого у них не было! – сорвавшимся голосом выкрикнула она. – Мамане спасибо, всех друзей от дома отвадила, и своих, и папиных. Она же сумасшедшая была, с ней разговаривать было невозможно. Бред такой несла, что слушать стыдно. Я помню, когда маленькая была, и тетя Нина приходила, и тетя Лида, и дядя Гриша Самсонов, папин друг. Так весело было, они смеялись, разговаривали, гулять вместе ходили и меня с собой брали. Все было как у людей. А как Наташка родилась – так мать совсем свихнулась...

– Ира! – осуждающе произнес Стасов. – Ну что ты говоришь? Это же твоя мать.

– Да, свихнулась! – еще громче заговорила Ира. – Об этом все знали. И папа переживал, я же видела. Какое-то предназначение нам всем придумала и носилась с ним как с писаной торбой.

– Какое предназначение?

– Да откуда мне знать! Бормочет что-то, черт его разберет, что она там говорит. Добормоталась.

– Ира, – снова повторил Стасов, – так нельзя говорить о матери.

– А так, как она поступила, – можно? Можно, да? Всем жизнь покалечила, отца убила! Сволочь! Ненавижу!

Неожиданно она разрыдалась так громко и отчаянно, что у Насти сжалось сердце. Она растерянно посмотрела на Стасова, но Владислав только головой покачал, мол, не вмешивайся, пусть девочка выплечется. Надо отдать должное Ире, она довольно быстро справилась с истерикой, отерла лицо рукавом старенькой, но чисто выстиранной трикотажной блузки и громко хлопнула носом.

– Ладно, проехали, – буркнула она все еще дрожащим голосом. – Не обращайтесь внимания. Задавайте свои вопросы.

* * *

Разговор с женщиной из милиции выбил ее из колеи. Дядя Владик и его знакомая давно ушли, а Ира то и дело принималась плакать, хотя в общем-то позволяла себе эту роскошь достаточно редко. До десяти часов она успела съездить в центр, в книжный магазин, купила для Наташи учебник французского языка, как раз такой, как она просила, и, вернувшись домой, прилегла, чтобы дать отдых ногам. Около половины десятого хлопнула дверь – вернулся Георгий Сергеевич.

– Ира, вы дома? – послышался из прихожей его голос.

Она сжалась в комочек и замерла. Если откликнуться, то придется выходить из комнаты и разговаривать с жильцом, а у нее слезы градом катятся. Конечно, Георгий Сергеевич – дядька добрый и славный, но он начнет приставать с расспросами – как, да что, да кто обидел, да отчего она плачет, а она еще больше разревется. Нехорошо перед чужими слабость показывать, довольно и того, что перед дядей Владиком и этой женщиной из милиции не сдержалась, сорвалась. Теперь корит себя, простить не может.

А плакать не хотелось еще по одной причине. Кожа и без того нездоровая, чтобы не сказать хуже, а от соленых едких слез, Ира это знала по опыту, прыщи раздражались еще больше. Все лицо начинало зудеть и чесаться, что само по себе достаточно противно, да и вид при этом делался – глаза б не глядели.

Из кухни донесся шум льющейся воды, мягко хлопнула дверца холодильника – Георгий Сергеевич готовил ужин. Ира зажгла лампу над диваном, посмотрела на часы. Пора собираться на работу в «Глорию». Она покрепче стиснула зубы, чтобы не плакать, и встала.

– Так вы дома? – удивился жилец, услышав ее шаги в коридоре. – Я думал, вас нет. Звал, но вы не откликались.

– Я задремала, – быстро ответила Ира, отворачиваясь, чтобы спрятать лицо. – Устала очень, день был суматошный.

– Поешьте со мной, – предложил он. – У меня как раз все готово.

– Нет, мне идти пора. Да вы не беспокойтесь, я ела недавно.

Накинув на плечи легкую ветровку, Ира отправилась на вечернюю работу. Прямо возле подъезда к ней подлетел какой-то юнец с пачкой бумаг в руках.

– Девушка, можно вас на минутку? Мы проводим социологическое обследование к выборам. За кого вы будете голосовать?

– Отстань, – бросила она на ходу.

Но парнишка не отстал. Напротив, он пристроился рядом и пошел в ногу с ней, размахивая зажатými в руке бумажками.

– Девушка, ну что вам, трудно ответить? У меня задание опросить сто человек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, а вы как раз подходите. За кого вы будете голосовать на выборах?

– Отвяжись, я сказала.

– Ну за кого? – заныл паренек. – За Ельцина или за Зюганова?

– А их что, двое всего? – насмешливо спросила Ира.

Она политикой не интересовалась, но была убеждена, что приход к власти коммунистов перекроет ей все возможности зарабатывать деньги. Поэтому к информации о предвыборной борьбе она прислушивалась и знала, что кандидатов не двое, а целых одиннадцать.

– Ну, остальные не в счет, – небрежно ответил юный социолог. – У них рейтинг низкий.

– Чего у них низкое? – переспросила Ира.

– Рейтинг. Они в народе непопулярны. Главные соперники – Ельцин и Зюганов. Вы за кого?

– Ни за кого.

Она быстро шагала, не поворачиваясь к настырному собеседнику.

– Значит, вы будете голосовать против всех?

– Ну что ты привязался? – с досадой сказала Ира. – За кого надо, за того и проголосую. Все, отвали.

Придя в «Глорию», она первым делом бросила взгляд в угол, где обычно сидел Олег. Стол был пуст. Ну и ладно. Не очень-то и хотелось. Провожальщик... Даже хорошо, что его нет сегодня. Лицо у нее – явно не для провожаний.

Но он все-таки появился, когда до закрытия оставались считанные минуты. Возник у нее за спиной, как и в первый раз.

– Привет, Иришка.

И снова у нее на глаза навернулись слезы. Так называл ее отец, а после его смерти она ни разу не слышала этого слова. Вернее, слышала, но адресовано оно было не ей.

– Здравсьте, – невнято ответила она, смаргивая слезы. – Опять провожать пришел?

– Опять, – с готовностью подтвердил Олег. – Не прогонишь?

Она не ответила, старательно отскребая грязь со дна большой сковороды, на которой подавали рыбу, приготовленную как-то по-особому. Спиной она чувствовала, что Олег молча разглядывает ее.

– Шел бы ты отсюда. Чего смотришь?

– Я тебе мешаю?

– Да нет, смотри, если нравится. Ничего интересного.

– Интересно. Я когда маленьким был, часами стоял и на мать смотрел. Точь-в-точь как сейчас.

– А мать кто была? – вяло поинтересовалась Ира. – Артистка?

– Какая артистка! – рассмеялся Олег. – Посудомойка. Мы в поселке жили, а рядом – санаторий. Правительственный. Мать там работала на кухне. В то время посудомоечных машин и в помине не было, все вручную мыли. Она брала меня с собой на работу, и я смотрел, как она грязные тарелки, кастрюли, баки надраивает.

– Так ты лимита, что ли?

– Ну, вроде того.

– Разбогател, значит, на московских харчах, ужинать в ресторан ходишь. Небось рэкетиры?

– Небось, – весело подтвердил Олег.

– Тогда вали отсюда, – неожиданно грубо сказала Ира. – У меня с рэкетом общих дел нету. Не хватало мне еще вляпаться.

– Да не бойся ты, я пошутил. У меня нормальная работа, охранный. Никакого криминала.

Она закончила возиться с посудой и пошла за тряпками и ведром. Олег, как и в прошлый раз, уселся в кресло перед гардеробом и принялся трепаться с дядей Колей. Почему-то мысль о том, что он ее ждет, была Ире приятна, хотя она совершенно не понимала, зачем он это делает. Она уже домывала унитаз в туалете, когда к ней подошла официантка. Странно, Ира была уверена, что все, кроме дяди Коли, уже ушли.

– Ты что будешь, шашлык или котлеты по-киевски?

– Давай чего не жалко, – откликнулась Ира, не разгибаясь.

– Да мне все равно, – как-то странно усмехнулась официантка. – Что скажешь, то и подам.

– Чего?

Ира выпрямилась и недоуменно уставилась на нее. Как это «подам»? Она издевается, что ли?

– Чего ты несешь?

Официантка с любопытством посмотрела на Иру.

– Так ты что, не знаешь? Кавалер твой ужин на двоих заказал. И мне отдельно приплатил, чтобы я вас обслужила. Щедрый он у тебя.

– Да иди ты! – Ира снова склонилась над унитазом. – Шутки у тебя...

– Какие шутки, ты что! Вот как бог свят. Давай домывай в темпе, повара-то все ушли, если блюдо остынет, я ничего сделать не смогу, они плиту выключили.

Ира ничего не ответила. Она всегда терялась, когда ее разыгрывали, не знала, как правильно реагировать, чтобы не оказаться в смешном положении. С чувством юмора у нее было плоховато, да и какой уж тут юмор при такой-то жизни.

– Ладно, я подам и то, и другое, сама решишь. Что не съешь – забирай домой, он все оплатил заранее. Только, Ир... Ты это... В общем, я все накрыла там, приборы поставила, холодные закуски, спиртное. Вы с закусками побыстрее заканчивайте, ладно? Тогда я быстренько горячее подам и домой побегу, а вы уж сидите сколько хотите. Посуду только помой потом, а то до утра засохнет. Дядя Коля тебе ключи оставит, запрешь тут все, а утречком ему занесешь. Договорились?

Ира домывала унитаз и повернулась к официантке, собираясь сказать ей что-нибудь грубое и резкое в ответ на затянувшуюся шутку. Но внезапно поняла, что это не розыгрыш.

– Ты... серьезно? – на всякий случай спросила она.

– Да господи! – всплеснула руками официантка. – Конечно, серьезно. Давай, Ир, не тани kota за хвост, мне еще домой добираться.

Ира не торопясь вымыла руки и лицо душистым мылом, лежащим здесь же, на умывальнике, и внимательно посмотрела на себя в зеркало. Ужин в ресторане. Никогда в жизни такого с

ней не было. Она не верила в сказки про Золушек, которые одним прикосновением волшебной палочки превращались в принцесс. И в любовь с первого взгляда она тоже не верила. Какая может быть любовь, если первому взгляду предстают жалкие обноски и отвратительные ненавистные прыщи?

Она неуверенно вышла в холл. Олег тут же вскочил ей навстречу, а дядя Коля засоби-рался домой.

– Вот, – он протянул Ире связку ключей, – закроешь все как следует и сигнализацию включишь. Решетку-то сможешь поставить?

– Не знаю, не пробовала.

– Я поставлю, – вмешался Олег. – Ты не беспокойся, дядя Коля, все будет в лучшем виде.

Они вошли в полутемный пустой зал. Верхний свет был погашен, только на столике в углу, где обычно сидел Олег, горела уютная настольная лампа под кремовым шелковым аба-журом. Ира уселась спиной к стене и тут же почувствовала, как заныли ноги. Поколебавшись всего мгновение, она под столом сняла туфли и блаженно вздохнула от облегчения.

– Чего это ты затеял ни с того ни с сего? Думаешь, я совсем нищая, прокормить себя не могу?

– Дурочка ты, вот что я думаю, – улыбнулся Олег. – Девушек в ресторан приглашают не потому, что они от голода умирают. Ешь салат, у них салат вкусный. Ты небось не ела ни разу?

– Не ела, – призналась Ира. – Правда, вкусно. А ты женат?

– Вот те здарсьте! – расхохотался Олег. – Тебе не все равно, с кем ужинать, с женатым или с холостым?

– Все равно. Просто интересно.

– Женат. И что с того?

– Да ничего. Разве тебя жена дома не ждет?

– Может, и ждет. Но теперь это уже не имеет значения. Ей нужно было раньше меня ждать.

– Изменяет, что ли? – с пониманием спросила Ира.

– Что ли.

– Чего ж не разводишься?

– Ребенок будет. Шесть месяцев уже.

– А-а, – протянула она, накладывая себе вторую порцию салата, который действительно был на удивление вкусным, Ира такого и не ела сроду.

Им принесли горячее – три огромных блюда, на одном – шашлыки, на другом – котлеты по-киевски, на третьем – молодой картофель, посыпанный укропом и обложенный по краям красиво нарезанными помидорами, огурцами, красными, желтыми и зелеными дольками слад-кого перца. Такого изобилия Ира давно уже не видела.

– Ты почему не пьешь ничего? – спросил Олег, потягивая джин с тоником.

– Мне нельзя. У меня аллергия.

– И что будет, если выпьешь?

– Плохо будет. Задохаться начну, могу вообще умереть. Меня в интернате как-то раз дев-чонки напоили, потом пришлось «Скорую» вызывать, еле отходили. У нас это наследственное.

– Что ж это за болезнь такая?

– А черт ее знает. У меня и сестры болеют, и брат. Всем досталось.

– И родители болеют?

– Нет, – коротко ответила Ира.

Говорить о родителях ей не хотелось. Но Олег ей нравился с каждой минутой все больше и больше. Надо же, обыкновенный парень, не столичный, в поселке вырос. И с женой не повезло. Нет, ну какие же бабы дуры и суки, просто слов не хватает! Вот какого рожна еще этой жене надо? Молодой, здоровый, симпатичный, и деньги, видно, есть. И добрый.

- Слушай, ты только не обижайся... А лицо у тебя такое тоже от болезни?
- Наверное. Точно не знаю. Я уже привыкла. А что, очень противно смотреть?
- Что ты.

Он мягко улыбнулся и взял ее за руку, погладил шершавые пальцы с потрескавшейся кожей и некрасивыми, изуродованными работой ногтями.

– Совсем не противно. Но ведь можно, наверное, сделать что-то. Почему ты к врачу не сходишь?

– Потому что это денег стоит, а у меня их нет, – просто ответила Ира.

– Дядя Коля сказал, ты очень много работаешь. Неужели тебе денег не хватает? Или копишь на что-то?

Она снова почувствовала предательское пощипывание в носу. Сегодняшняя истерика совсем подкосила ее, строить из себя гордую и независимую больше сил не было. Был бы этот Олег другим, самоуверенным, насмешливым, демонстративно богатым, она бы тоже постаралась показать себя сильной и ни в чем не нуждающейся. Но он оказался совсем другим. И она начала рассказывать. Впервые за все эти годы она вдруг доверилась абсолютно незнакомому человеку. Ни с кем она не откровенничала, даже ее квартиранты не знали, почему она вынуждена сдавать комнаты. Только Стасов знал, потому что все случилось буквально на его глазах, когда он еще жил в одном с ней доме.

Олег слушал внимательно, не перебивал, даже не ел, пока она рассказывала, только молча курил одну сигарету за другой.

– Хочешь, я попробую договориться с одним врачом? – предложил он, выслушав ее горестный рассказ. – Он тебя посмотрит. А вдруг он сможет тебе помочь?

– Я же сказала, у меня каждая копейка на счету.

– Не думай об этом. Это будет моя забота.

– Зачем тебе это? Деньги некуда тратить?

– Некуда.

– Так не бывает. Врешь ты все, – вздохнула Ира.

– Бывает, Иришка. Очень даже бывает. Ты на мою мать похожа.

Он снова взял ее руку и поднес к губам. Такого с Ирой тоже никогда в жизни не случалось.

– Я как в первый раз тебя увидел, давно еще, месяца два назад, у меня внутри все сжалось. Мама точно такая же была, маленькая, худенькая, с утра до вечера работала, волосы не прибраны, руки красные и потрескавшиеся. Отец нас бросил, мать троих детей тянула на себе. И я всегда мечтал, чтобы нашелся человек, который появился бы и решил все наши проблемы. Вот просто так взял и решил, ничего за это не требуя. Одним махом. Дал бы сразу много-много денег, чтобы мама могла больше не работать, а только сидела бы дома и нас с братьями растила. Мама у меня красивая тогда была, хоть и работала, как вол, а все мужики на нее заглядывались. И из числа отдыхающих начальников тоже. Я хоть и пацан был, а все понимал, от такой жизни дети рано взрослеют. Видел, как она к ним в номера уходила, и каждый раз надеялся, что это окажется прекрасный принц, который женится на ней. А принцы, как водится, оказывались полным говном, совали ей коробочку конфет или жалкий букетик цветочков и отбывали к месту начальственной службы. Все знали, как трудно мы живем, и ни одна сволочь не помогла. Вот я и хочу тебе помочь. Просто так, без ничего, без задних мыслей. Понимаешь?

Она осторожно отняла руку и робко погладила Олега по щеке.

– Насчет задних мыслей... – Она помолчала, помялась. – Это из-за лица, да? Тебе неприятно ко мне прикасаться?

– Ну что ты говоришь, Иришка, – грустно улыбнулся он. – Просто я не хочу, чтобы с тобой было, как с моей мамой.

– Значит, неприятно, – спокойно констатировала она. – Да ты не думай, я не обижаюсь, я свое еще в интернате получила. Теперь я закаленная, меня этим не возьмешь. А твой доктор правда может мне помочь?

– Не знаю, врать не буду, но я спрошу. Говорят, он какой-то кудесник, прямо чудеса творит. Если он возьмется тебя лечить, я дам денег, пусть тебя это не волнует.

– Спасибо. Ну что, пойдем? Мне вставать рано.

Они быстро унесли посуду из зала в кухню, Ира все помыла, оставшиеся продукты привычно сложила в полиэтиленовые пакетики и сунула в сумку.

– Голодаешь? – сочувственно спросил Олег.

– Справляюсь, – коротко ответила она, ощутив болезненный укол неловкости. – Это для бездомных собак, их вокруг нашего дома тьма-тьмушая.

– А, понятно.

Конечно, про собак – чистое вранье, и Олег это прекрасно понял, Ира по его лицу видела, что понял, но оценила его деликатность.

Тщательно заперев все двери, поставив решетку и включив сигнализацию, они отправились в сторону ее дома.

– В котором часу тебе вставать? – спросил Олег, когда они остановились у ее подъезда.

– В пять.

– Сейчас уже два. Тебе поспать всего три часа осталось. Ты прости, что я все это затеял, не подумал, что ты встаешь так рано. Теперь не выспишься из-за меня.

– Ерунда, – она беззаботно махнула рукой. – Я могу вообще не спать. Мне и двух часов за глаза хватит, чтобы отдохнуть. А вот как ты-то будешь домой добираться? Метро уже не ходит.

– Я на машине. Она там, возле «Глории», стоит.

– Чего ж не подвез? – усмехнулась Ира. – Рылом не вышла на лимузинах раскатывать?

– Умом ты не вышла, – засмеялся он. – Я, может, хотел с тобой подольше побыть. На машине мы бы за пять секунд доехали. А так целых пятнадцать минут шли. А тебе правда двух часов хватит, чтобы выспаться? Или так, для красного словца сказала?

– Правда, не вру.

– Повезло тебе. Много в жизни успеешь. Так может, пригласишь на чашку кофе? Или боишься?

– Чего мне бояться? У меня жилец под боком, в обиду не даст в случае чего. Только у меня кофе нет, я его не пью.

– А чай есть?

– Чай есть.

– И сахар есть?

– Есть.

– Тогда приглашай.

Они поднялись на лифте и тихонько вошли в темную прихожую. Из-под двери комнаты Георгия Сергеевича просачивалась тонкая полоска света, жилец не спал.

– Ира, у вас все в порядке? – тут же раздался из-за двери его голос.

Ира замерла и крепко схватила Олега за руку.

– Да, у меня все в порядке, – громко ответила она, стараясь говорить ровным тоном.

– Я беспокоился, не случилось ли чего с вами, уже третий час.

– Все в порядке, – повторила Ира. – У нашей официантки сегодня день рождения, мы там отмечали, потому и задержалась.

– Ну и хорошо, – успокоенно ответил жилец. – Спокойной ночи.

Ира, ступая на цыпочках, провела Олега в свою комнату.

– Посиди здесь, сейчас чайник поставлю.

Он обнял ее за плечи и повернул к себе.

– Заботливый у тебя жилец. Нравственность твою блюдет?

– Да нет, с чего ты взял? Ничего он не блюдет.

– Чего ж ты меня от него прячешь? Разве ты не имеешь права приводить к себе друзей?

Что у вас тут за порядки?

– Никаких порядков нет, – сердито ответила Ира. – И ничего я тебя не прячу. Просто неудобно человека беспокоить, он и так из-за меня не спит, а ему утром на работу идти. Он же нормальный, не такой, как я, ему спать нужно.

– А других ты тоже тайком приводила?

– Каких – других? – не поняла Ира.

– Других мужчин.

Она залилась краской и вырвалась из его рук.

– Никого я не приводила. Чего ты несешь-то?

– Совсем никого?

– Совсем. А если ты насчет этого... Так ты не думай, я же интернатская, мы там такую школу жизни проходим – никаких университетов не надо.

– Иришка, – шепотом сказал он, – не обижайся на меня. Только честно скажи: не хочешь? Я тебя не трону, чаю попьем с тобой, и я домой поеду.

Она помолчала, глядя куда-то в сторону, потом перевела глаза на Олега.

– Я боюсь.

– Я же сказал: я тебя не трону, если ты не хочешь. Что я, садист?

– Я не об этом...

Он понял. Осторожно протянул руки, погладил ее по плечам, привлек к себе, обнял.

– Не бойся, – еле слышно шепнул он. – Я тебе обещаю, все будет хорошо.

– Ты ведь понимаешь, мне нельзя этого... – продолжала словно оправдываться Ира. – У меня младшие на руках. И мать тоже.

– Не бойся, – повторил Олег.

* * *

Спустя ровно час он ушел. Ира бесшумно вывела его в прихожую и открыла входную дверь. Хорошо, что комната Георгия Сергеевича – самая дальняя, если он спит, то наверняка не слышит.

Перед уходом Олег спросил:

– Я не понимаю, почему ты прячешься. Кому ты чего должна?

– Ничего и никому. Оберегаюсь. Люди – стадные животные. Если можно одному – значит, можно всем. А если никому нельзя – так никому. И в голову не придет попробовать. Мои жильцы кого только не водят сюда. Один Шамиль чего стоил, слава богу, съехал. У него каждый день гости были. Если б он знал, что ко мне мужчины ходят, – все, конец. Не отбилась бы.

– Умно, – согласился он. – Сама додумалась?

– Нет, добрый человек подсказал.

Выйдя из подъезда, Олег быстро направился в сторону «Глории», где стояла его машина – недорогой симпатичный «Фольксваген». Жил он далеко, но по пустынным ночным улицам дорога много времени не займет. Можно даже по сторонам не смотреть, время глухое, машин нет.

Стало быть, компания «казанских» плотно облюбовала квартиру в Сокольниках. Сейчас там живет Ильяс – личность известная. До него был Шамиль, а Шамиля, в свою очередь, привел Муса. Это все «шестерки», а вот главаря бы найти... Он где-то в Москве, по предварительным данным, он сам не из Казани, русский. И имени его никто не знает, только кличку. Ну и промысел себе эта команда придумала! Под видом торговцев-челноков снуют туда-сюда из

России в Турцию и в Египет, осуществляют связи между мусульманскими общинами, готовящимися к газавату – священной войне, помогают террористам. Средствам связи не доверяют, считают, что лучше всего передавать информацию лично, на словах. Это верно, так надежнее. Любое сообщение по радио или телефону перехватить можно.

Два месяца назад Олег получил задание и, выполняя его, вышел на квартиру в Сокольниках. Решил присмотреться к хозяйке, Ирине Терехиной, незамужней, двадцати лет. Пришел в «Глорию», где девушка работала по вечерам. И с тех пор уже не мог выбросить ее из головы.

Он рассказал ей чистую правду и про поселок, в котором вырос, и про санаторий для крутых начальников, и про труженицу-мать. Сочувствие к Ире все росло и росло, давило грудь, мешало дышать. Еще ни разу не заговорив с ней, он уже знал всю ее историю, а когда она сама рассказала ему о том, как живет, убедился, что Ира ни в чем не приврала, не преувеличила, одним словом – на жалость не брала. Олег в детстве прочел много сказок, других книг в доме почти не было. Сказки покупались в огромных количествах для старшего брата, когда тот еще был маленьким, а отец жил с ними. Потом отец бросил их, и покупать книжки было не на что. Единственным доступным чтением остались толстые книги с картинками и текстом, набранным крупными буквами. Таджикские сказки, туркменские сказки, русские, украинские, сказки народов Европы... И жизнь он до поры до времени мерил этими сказочными мерками, верил в принцев и счастливый случай, верил в то, что есть на свете добрые и благородные рыцари, которые обязательно рано или поздно найдут их мать и помогут ей.

Рыцари, однако, почему-то не находились. А мать старела и слабела на глазах. И Олег дал себе слово, что обязательно сотворит какое-нибудь маленькое чудо собственными руками. Не для того, чтобы облагодетельствовать кого-нибудь, а просто для того, чтобы убедиться: это возможно. Это бывает. Пусть его семье не повезло, на их долю чуда не пришлось, но должно же оно существовать где-то! Сказки ведь живые люди придумывали, а раз они это придумали – значит, это когда-то где-то случалось. Если правда, что зло порождает зло, то и добро должно порождать добро. Нужен только первый толчок, первое бескорыстное доброе дело, а дальше уже начнется цепная реакция.

Он отнюдь не был сопливым романтиком, напротив, жизнь Олега Жестерова была достаточно суровой и к сантиментам не располагала. По ходу этой жизни ему чаще приходилось творить зло, нежели добро, хотя зло это совершалось во имя добрых целей, но все-таки само по себе было злом, ибо отнимало у людей свободу, имущество, а иногда и жизнь. Мысль о маленьком чуде укоренилась в глубинах сознания и на поверхность вылезала теперь крайне редко, но она никуда не исчезла. А после встречи с Ирой Терехиной, как сказали бы психологи, актуализировалась.

Разумеется, ни о какой любви не могло быть и речи. То, что произошло сегодня ночью, было частью его работы, его задания. Он должен был войти в контакт с хозяйкой квартиры, где живут «казанские», а при возможности и познакомиться с жильцами и их многочисленными гостями, втереться в доверие и постараться нащупать хоть какие-нибудь сведения о главаре по кличке Аякс. Сама кличка наводила на мысль о том, что главарь – большой поклонник футбола, ибо «Аякс» – это название известного футбольного клуба. Но все это было только приблизительно, потому что имя «Аякс» принадлежит мифологическому герою, и о чем думал этот чертов главарь, выбирая себе кликуху, оставалось только догадываться.

Но дело – делом, а чудо – чудом. Надо поговорить с женой насчет того врача, к которому она все время бегает. Уж так она его нахваливает! Прямо маг и волшебник. Хорошо бы он подлечил Иру. Сколько бы это ни стоило.

Глава 5

Внешность таинственного «мужчины средних лет приятной наружности с темными седоватыми волосами» – штука расплывчатая и ненадежная. И устанавливать детали было не просто.

Кто мог описать его достаточно подробно? Во-первых, сестра Марфа. Во-вторых, медсестры в больнице, где лежали Наташа, Ольга и Павлик Терехины. В-третьих, сами дети. Но детей пришлось исключить сразу: «дядя Саша» мог появиться в любую минуту, и непосредственные Павлик, Оля и Наташа тут же сказали бы ему, что им интересуется милиция. Если с семнадцатилетней Наташей еще можно было попытаться договориться, то с остановившейся в развитии Олей и маленьким Павликом этот номер точно не пройдет. Скажут сразу же. Медсестры в этой ситуации тоже не были особо надежными. Кто знает, не приплачивает ли «дядя Саша» кому-нибудь из них за молчание и своевременное информирование.

Зато с жильцами дома, где была убита Екатерина Венедиктовна Анисковец, можно было работать спокойно. Искомый мужчина там вряд ли появится. Даже наверняка не появится. А если появится, значит, он к убийству отношения не имеет. Но беда в том, что видели и запомнили его только два человека. И, что самое главное, в разное время. Старушка с нижнего этажа запомнила его еще с тех времен, когда он достаточно регулярно приходил к Екатерине Венедиктовне, и было это довольно давно. Незадолго до убийства она его не видела. Другая же соседка жила в доме недавно и видела темноволосого мужчину возле квартиры Анисковец за два дня до убийства, но никогда не видела его раньше.

Миша Доценко по опыту знал, что с такими двумя свидетелями каши не сваришь. Под кашей в данном случае подразумевался субъективный портрет разыскиваемого мужчины. Так оно и вышло.

Поскольку всех жильцов дома Доценко уже знал, то решил воспользоваться услугами художника, жившего прямо над квартирой Анисковец. Федор подрабатывал «быстрыми» портретами возле Выставочного центра, много пил, но глаз у него был по-прежнему острым, а рука пока еще не дрожала даже с похмелья.

Начал Доценко с той свидетельницы, которая была постарше. Анисья Лукинична уверенно руководила работой Федора и была страшно довольна, проникнувшись важностью выполняемой задачи.

– Круче, круче бери, – командовала она. – Вот так. Нет, брови не такие, гуще рисуй... Губы-то, губы чего сморщил, они у него такие были красивые, большие...

Федор покорно исправлял рисунок, полагаясь на слова женщины.

– Да чего-то он у тебя старый-то какой получился, – неодобрительно изрекла Анисья Лукинична, окидывая взглядом законченный рисунок. – И не такой он вовсе был.

Начали сначала. Овал лица. Прическа. Нос. Губы. Брови. Глаза. Подбородок. Морщины.

– Ну а теперь как? – с надеждой спросил Доценко.

– Теперь хорошо, – удовлетворенно сказала свидетельница, которой скоро должно было исполниться девяносто четыре года.

С полученным портретом они пришли к другой соседке, той, что видела «дядю Сашу» незадолго до смерти Анисковец.

– Что вы, – удивилась она, едва бросив взгляд на рисунок, – это совершенно не он.

– Так, – устало вздохнул Доценко, – приехали. Давайте все сначала. Что вы вкладываете в понятие «совершенно не он»?

– Ну как что, – растерялась женщина. – Не похож.

– Это не одно и то же, – терпеливо начал объяснять Михаил. – Вы актера Пьера Ришара хорошо себе представляете?

– Это которого? Высокого блондина в ботинке?

– Да, его самого.

– Конечно, – улыбнулась женщина. – У него такая внешность – ни с кем не перепутаешь.

– Теперь посмотрите, – он вытащил из бумажника несколько фотографий и одну из них показал свидетельнице. – Это он?

– Совершенно не он, – тут же ответила она. – Какой же это Ришар? Это же Михаил Ульянов.

– А этот?

Он протянул ей другую фотографию. На снимке был запечатлен человек, тщательно и умело загримированный под Ришара, но все-таки было видно, что это не французский киноактер. Доценко, работая со свидетелями, всегда носил с собой несколько специально подготовленных комплектов фотографий, потому что давно усвоил: наглядный пример всегда срабатывает лучше, чем самые подробные словесные объяснения.

– Этот?

Женщина задумалась, внимательно вглядываясь в изображенное на снимке лицо.

– Вообще-то похож на Ришара. Но, по-моему, это все-таки не он.

– Отлично. Теперь посмотрите вот этот снимок.

На третьем снимке был тот же мужчина, только без грима, но в парике, точно имитирующем прическу Ришара.

– Нет, – она покачала головой, – этот не похож.

– Почему? – быстро спросил Доценко. – Смотрите, прическа совсем одинаковая.

– Но лицо другое.

– И нос такой же длинный, – настаивал Михаил.

– Нос длинный, а лицо другое, – не уступала женщина.

– Теперь поняли разницу между «совершенно не он» и «не похож»?

Свидетельница рассмеялась.

– И правда... Надо же, как интересно. Я и не задумывалась никогда. Дайте-ка мне рисунок.

Она снова, но уже более пристально, вгляделась в творение Федора.

– Да, вы правы, нельзя сказать, что это «совершенно не он». Что-то общее есть. Но губы у того мужчины были тоньше, суше. И глаза не такие большие...

Федор снова принялся за работу. В результате из-под его карандаша вышло лицо, не имеющее почти ничего общего с лицом, которое было «изготовлено» под руководством Анисьи Лукиничны.

Миша знал заранее, что так и получится. Анисья Лукинична видела этого мужчину много раз, но с тех пор прошли годы. Он уже шесть лет не появлялся. Когда она видела его в последний раз, ей было под девяносто, и совершенно естественно, что он казался ей неоперившимся юнцом, ведь он был лет на сорок моложе, если не больше. Другая же соседка видела его сейчас, когда он стал на шесть лет старше, и ей, двадцатисемилетней, он казался, наверное, глубоким стариком. Отсюда и различия в восприятии его лица и в описании черт. Нет, с этой парочкой ничего не выйдет.

Поблагодарив молодую женщину, Доценко стал на лестничной площадке прощаться с Федором.

– Может, зайдете? – гостеприимно предложил художник. – По пять грамм, а?

Пить Мише не хотелось, на улице стояла жара, и нужно было бы вернуться на работу, дел накопилось много. Но он твердо соблюдал заповедь: со свидетелями надо дружить. А с добровольными помощниками – тем более. Федор, конечно, вряд ли обидится, если Миша не пойдет к нему пить водку, но в другой раз понимания и помощи с его стороны уже не дождешься. А этот самый пресловутый другой раз может случиться уже завтра. Доценко всегда с белой зави-

стью наблюдал за работой своих коллег, которые проработали в розыске намного дольше него самого и которые частенько произносили заветные слова: «Мой человечек шепнул». Казалось, у них на каждой улице, в каждом учреждении были такие «человечки». А у самого Миши их было пока очень мало. Как знать, вдруг Федор пригодится...

– По пять грамм – это мысль продуктивная, – весело ответил он. – Спасибо за приглашение. Давай-ка я за закуской сбегаю.

– У меня есть, – засуетился художник. – Не надо ничего.

Они поднялись двумя этажами выше. В квартире, где жил Федор, обитало пять семей, и длинный узкий коридор был, как водится, загроможден всяческой утварью от тазов и ведер до велосипедов и лыж.

– Сюда проходи, осторожно только, не испачкайся, – предупредил художник, – здесь дверь красили, еще не высохла.

Комната у Федора была большая и светлая, с высокими потолками. И присутствие женщины здесь угадывалось с первого взгляда. Свежевыстиранные занавески на чисто вымытых окнах, отсутствие пыли и нарядные баночки с кремами на тумбочке возле дивана.

– Мы хозяйке твоей не помешаем? – на всякий случай спросил Михаил. – А то вернется и скандал устроит, если увидит, что мы себе позволяем остограммиться.

– Не вернется, – беззаботно ответил Федор. – Она сегодня сутки работает, только завтра утром явится.

– Ну тогда ладно.

Пока Федор накрывал на стол, таская продукты из стоящего в углу комнаты холодильника, Доценко рассматривал висящие на всех стенах рисунки.

– Твои работы?

– Угу, – промычал художник. – Нравится?

– Нравится. Я думал, ты только на улице рисуешь и рисунки сразу заказчикам отдаешь.

– Не, не всегда. Бывает, заказчик отказывается брать, ему не нравится. Тогда рисунок у меня остается. И вообще, для тренировки, чтобы рука навык не теряла.

– А для тренировки кого рисуешь?

– Да кого придется, соседей, знакомых, а то и просто из головы. Знаешь, зимой работы мало, светает поздно, темнеет рано, на морозе стоять никому неохота, ни мне, ни клиентам. Так что зимой я все больше в издательствах подрабатываю, не в крупных, конечно, там свои мастера есть, а по мелочи, ну там обложку сделать или плакатик рекламный. А чтобы навык не терять, приходится рисовать всех подряд. Карандашный портрет – статья особая, а уж быстрый – тем более. Постоянно приходится тренироваться, чтобы выделять те черты лица, которые наиболее легко узнаются, иначе клиент скажет, что не похоже получилось. Ты садись, сыщик, все налицо.

Миша присел к столу, поднял рюмку, с сомнением оглядев приготовленную хозяином закуску.

– Ну, за знакомство, – предложил он.

– Давай, – согласно кивнул Федор.

Они выпили по первой, закусили шпротами из банки и нарезанными помидорами. Художник тут же налил по второй.

– Куда ты частишь? – засопровтивлялся Доценко.

– Так полагается. Чтоб пуля пролететь не успела, – деловито пояснил Федор. – Давай за тебя, за твою удачу. Тебе без удачи никак нельзя.

– Это точно, – подтвердил Доценко, с ужасом думая о том, что пуля-то, может, и не пролетит в перерывах между тостами, но результат от такого питья будет ничем не лучше огнестрельного ранения. Утрата подвижности и полная потеря сознания. Нет, уж пусть лучше

пули летают, от них хоть увернуться можно, а от проникающего в организм алкоголя фиг увернешься.

Он снова встал и подошел к висящим на стене рисункам.

– Это кто? – спросил он, указывая на портрет хорошенькой девушки с голыми плечами.

– Подружка мужика из соседней квартиры. Она его давно бросила, а портрет висит. Красивая, да? Хотел соседу толкнуть, на память, а он не взял. Глаза б мои, говорит, ее не видели, стерву.

– Я бы взял, – рассмеялся Доценко. – Я всех своих подружек люблю, даже тех, которые меня бросали. Они ж меня бросали не потому, что стервы, а потому, что я недостаточно хорош. Зачем же их винить?

Алкоголь, залитый в пустой желудок, быстро дал о себе знать, и Михаилу хотелось потянуть паузу, чтобы до беды не дошло. Стянув со стола толстый ломоть хлеба и кусок колбасы, он перешел к другой стене. Внимание его привлек портрет мужчины, который показался ему смутно знакомым.

– А это кто?

– А черт его знает! Я его из головы выдумал.

– На кого-то он похож...

– Может быть, – пожал плечами Федор, закуривая. – Все люди похожи между собой, это я тебе как художник говорю. Всего-то разновидностей носов, губ и глаз – штук по пятнадцать, а очертаний бровей – и того меньше. Все дело только в их комбинациях. Вон, видишь, между окнами рисунок? Это мой приятель, мы с ним когда-то калымили вместе на оформлении музея. А теперь на себя глянь в зеркало.

Михаил взглянул на рисунок: лицо действительно было очень похожим на его собственное. Он снова перевел глаза на заинтересовавший его портрет. Определенно кого-то этот мужчина ему напоминает.

– Когда ты это рисовал?

– Ну я не точно помню, – развел руками Федор. – Недавно. А ты сними его и посмотри на обороте, я всегда дату ставлю.

Доценко снял рисунок со стены и перевернул. Обозначенная дата его озадачила. Это было 24 мая, за несколько дней до убийства Екатерины Венедиктовны. Из головы выдумал! Как же. Михаил быстро достал из «дипломата» рисунки, сделанные Федором со слов свидетельниц.

– Ну-ка посмотри, – потребовал он. – Посмотри как следует.

Федор склонился над рисунками, потом положил рядом с ними портрет выдуманного из головы мужчины.

– Да-а, – протянул он. – Похоже. Что же получается, что я случайно из головы выдумал мужика, который к покойнице ходил? Слушай, может, я экстрасенс какой-нибудь, а?

– Никакой ты не экстрасенс. Просто ты его увидел и запомнил, а внимания не обратил. Сел рисовать и решил, что придумал его сам. Ну, может, наполовину и придумал, а на другую половину – нарисовал то, что видел недавно.

– Ну дела, – покачал головой художник. – Это ж надо.

– Теперь смотри внимательно. Бабка Лукинична говорила, что губы у него пухлые, а молодая соседка утверждала, что они более узкие, сухие. У тебя они средние, но форма во всех трех случаях одинаковая. Значит, будем считать, что с формой мы определились. Возьмем нос. Бабка говорит, что нос у него с горбинкой, молодая про горбинку молчит. Стало быть, она могла видеть его только анфас, потому и горбинку не заметила. У человека на твоём рисунке нос тоже горбатый. А родинка откуда взялась? Она действительно была или ты ее придумал?

– Да кто ж его знает. Я его совсем не помню. Мог и придумать.

– У тебя есть знакомые мужчины с родинками на скуле?

– Сейчас, погоди, вспомнить надо.

Федор задумчиво выпил третью рюмку, уже не настаивая на том, чтобы сыщик составил ему компанию.

– Есть с родинкой. Петька Малахов. А зачем он тебе?

– Мне он на хрен не нужен, – грубовато ответил Доценко. – Можешь его быстренько изобразить? Приблизительно, по памяти.

Через несколько минут на чистом листе бумаги появился набросок лица с крутыми скулами и родинкой с левой стороны. У мужчины на заинтересовавшем Доценко рисунке скулы были точь-в-точь такие же, и родинка на том же самом месте.

– Получается, скулы ты для этого выдуманного мужчины у своего Малахова позаимствовал, – сделал вывод Михаил. – Значит, у него они какие-то другие.

– Ну ты смотри, – снова удивился Федор, – а и правда, я ему Петькины скулы приделал. И сам не заметил. Ну ты мастер!

– Ты тоже, – усмехнулся Доценко. – Теперь ямочку ищи на подбородке.

– Где искать? – не понял художник.

– У друзей своих. У соседей. С кого ты там еще портреты пишешь?

Федор долго вглядывался в собственный рисунок, пытаясь вспомнить, у кого он мог позаимствовать такую ямку на подбородке, но так и не вспомнил.

– Ладно, будем считать, что ямка у него на самом деле была. Все, Федя, заканчивай с выпивкой, работать надо. Садись и рисуй новый портрет. Губы, нос и подбородок – как на этом рисунке, овал лица – как свидетели сказали. Сумеешь? И вообще смотри как следует, если какие-то черты совпадают на всех трех рисунках – им особое внимание. От себя старайся ничего не добавлять, мне твои фантазии не нужны. Сделаешь этот рисунок – возьмешься за следующий.

– Какой следующий?

– Ты сначала этот сделай, а я тебе потом скажу, что дальше. Чтоб у тебя над душой не стоять, я пока на улицу сбегая, пару бутылей тебе принесу в знак благодарности. Идет?

– А то, – оживился Федор.

Перспектива работы его сначала не вдохновила, он рассчитывал использовать время, пока его подруга на суточном дежурстве, гораздо более приятно, в обществе рюмки, бутылки и закуски, а если повезет – то и в хорошей компании. Но обещание дармовой выпивки заставило его посмотреть на проблему под иным углом зрения.

Через полчаса Доценко вернулся, неся в пакете две бутылки хорошей дорогой водки.

– Готово?

– Готово.

Федор протянул ему новый рисунок. Было в нем что-то искусственное, ненатуральное, натянутое, как бывает, когда рисуешь не по вдохновению, а по-школярски старательно, комбинируя одни черты с другими и боясь что-нибудь напутать. Человек на рисунке не был живым, он скорее напоминал робота. Михаил с удовлетворением отметил, что первый этап эксперимента прошел успешно. Рисунок и должен был получиться таким.

– Дальше чего делать? – спросил Федор, бросая жадный взгляд на бутылки.

– А дальше ты закроешь глаза, отдохнешь минут десять, потом уберешь все эти картинки к чертовой матери, возьмешь чистый лист и нарисуешь мне этого мужика по памяти. Не полухлого киборга, который у тебя получился, а нормального живого мужика пятидесяти лет, с приятным, располагающим лицом, даже обаятельного. Понял? Если сумеешь – оставлю тебя в покое, пей на здоровье свою водку сколько влезет.

Через час Миша Доценко вышел из квартиры Федора, унося в «дипломате» пять рисунков, которые не имели между собой почти ничего общего. Но он был уверен, что по крайней мере на двух из них изображен тот мужчина, который посещал Екатерину Венедиктовну Анисковец незадолго до ее трагической гибели. Знать бы только, на каком именно.

* * *

В воскресенье, в половине второго дня, Олег Жестеров позвонил в квартиру, где жила Ира Терехина. Он уже побывал на вещевом рынке, понаблюдав издали и убедился, что у Иры самый разгар работы. Она сновала между тесно стоящими рядами с одеждой и обувью, волоча за собой сумку на колесиках, и весело выкрикивала:

- Сигареты! Вода! Минеральная, фруктовая, без газа, спрайт, «Доктор Пеппер», кола!
- Горячие закуски! Гамбургеры, чизбургеры, беляши свежие, шашлык с гарниром!
- Салаты итальянские, с крабами, с креветками, с ветчиной!
- Чай горячий! Кофе горячий, черный и с молоком!

Торговля шла бойко, в воскресенье здесь много покупателей, в том числе и приезжих, которые, явившись сюда один раз, хотят решить сразу все проблемы с гардеробом, поэтому ходят от прилавка к прилавку целый день и тоже, конечно, хотят и есть, и пить. Убедившись в том, что Ира в ближайшее время отсюда вряд ли вырвется, Олег сел в свой «Фольксваген» и поехал к ней домой. И вот сейчас он стоял перед дверью ее квартиры, с напряжением вслушиваясь в едва различимые шорохи. Дом был старым, добротным, кирпичным, звукоизоляция отличная – не чета нынешним панельным скороспелкам, внизу чихнешь – наверху стекла дрожат. Откроют ли ему дверь? И если откроет, то кто? Ильяс, который, по оперативным данным, уже вернулся из поездки? Или невразумительный сосед Георгий Сергеевич, от которого толку как от козла молока? Идеальным вариантом было бы попасть на сборище Ильясовых друзей, скроить растерянную мину, напеть им про Иру, с которой договаривался... А что? Очень даже возможное дело. Ирка работает всегда в одно и то же время, она может явиться домой раньше пяти часов, только если вдруг рынок закроют, но ведь рынок этот совсем неподалеку, всегда можно сгонять и глянуть одним глазком, все ли в порядке. Стоит рынок, не взорвали его, продавцы манатки свои не складывают – значит, квартира гарантированно будет свободна от хозяйки. Да «казанские», судя по Ириным рассказам, ее и не стеснялись, собирались когда им удобно, хоть днем, хоть ночью. Другое дело – второй жилец, как его там, Георгий Сергеевич. Хотя, если судить опять-таки по тому, что говорила Ира, они на него тоже не больно-то внимание обращают. Он спокойный, тихий, ни во что не вмешивается. Долго, однако, дверь-то не открывают. Может, нет никого в квартире?

Наконец послышались уверенные быстрые шаги.

– Минуточку! – громко сказал голос из-за двери. – Сейчас открою.

Дверь распахнулась, и Олег увидел крепкого мужчину среднего роста в коротком темном махровом халате. Волосы его были мокрыми, и Олег понял, что жилец принимал душ, когда раздался звонок в дверь. Потому и не открывал так долго.

- Я прошу прощения, – смущенно начал Жестеров, – мне нужна Ира. Она дома?
- Проходите, – приветливо сказал мужчина, пропуская Олега в прихожую.

Совершенно очевидно, что это не Ильяс. Стало быть, Георгий Сергеевич. Ну что ж, ладно, не будем гоняться за синей птицей, подумал Олег, будем работать с тем, что есть.

– Ирочки нет, она на работе. Но если у вас что-то срочное, я вам объясню, как ее найти, это здесь, недалеко.

– Собственно... – Олег замялся. – Самое главное я уже узнал. Раз она на работе, значит, все в порядке.

– Что вы имеете в виду? – строго спросил жилец. – Что в порядке?

– Видите ли, мы с ней вчера ужинали... Мне показалось, что она не слишком привычна к той пище, которую мы ели. Но подумал я об этом только потом, когда уже домой пришел. Вы, ради бога, не подумайте, что я суюсь не в свое дело, но мне показалось, что Ира голодает,

и если это так, то после того ужина ей могло стать плохо. Это довольно часто случается. Вот я и заскочил узнать, все ли в порядке. А вы – ее отец?

– Нет, молодой человек, Ирочкин отец давно умер. Я снимаю у нее комнату. И если вы не слишком торопитесь, я хотел бы с вами поговорить.

– Да, конечно, – ответил Олег с напускной рассеянностью, с трудом скрывая охватившее его ликование.

Еще бы! Не он сам навязывается этому жильцу, не он сам лезет к нему с разговорами и расспросами, а жилец идет на контакт по собственной инициативе.

– Тогда давайте пройдем в мою комнату, там нам будет удобнее.

Да, по сравнению с комнатухой, которую оставила за собой Ира, комната Георгия Сергеевича напоминала царские хоромы. Самая большая в этой квартире, метров двадцать пять, с мягкой мебелью, красивым торшером в углу возле кресла, цветным телевизором и двумя окнами, выходящими на парк. Не комната, а мечта.

– Меня зовут Георгий Сергеевич, – представился жилец, усадив гостя в кресло и заняв место рядом с ним на диване. – А вас?

– Олег. Или Алик, как вам удобнее.

– Вы давно знаете Иру?

– И да, и нет, – улыбнулся Олег. – Я наблюдаю за ней вот уже два месяца, а заговорить решился только несколько дней назад.

– Что значит «наблюдаю»? – нахмурился жилец. – Вы за ней следили, что ли?

– Да бог с вами! – весело рассмеялся Олег, чувствуя внутри неприятный холодок. Тихий незаметный жилец. А зрит в корень. – Я увидел Иру в ресторане, где она работает, и обратил на нее внимание, потому что она удивительно похожа на мою маму. Стал приходить туда специально, чтобы посмотреть на нее. Вот и все.

– А вообще, молодой человек, чем вы занимаетесь? Кем работаете?

– Охранник в частной фирме. Телохранитель. Наверное, в ваших глазах это не очень почетно, да? – усмехнулся Жестеров.

– Послушайте меня, Олег, – грустно сказал Георгий Сергеевич. – Я далек от мысли давать людям оценки и читать им мораль. Это не моя специальность. Я самый обыкновенный бухгалтер и плохо понимаю, что такое охранник в частной фирме. Я не знаю, плохо это или хорошо. У меня взрослые дети, и я понимаю только одно: я ничего не понимаю в той жизни, которая сейчас имеет место. Я не понимаю своих детей, я не понимаю слов, которые они произносят, разговаривая по телефону со своими друзьями, я не понимаю Ирочкиных жильцов, всех этих Шамилей и Ильясов. Это какая-то другая жизнь, инопланетная, к которой мне уже, видимо, не приспособиться. Но даже в этой инопланетной жизни есть вещи, которые остались неизблевыми, и я хочу, чтобы вы это знали. Иру нельзя обижать. Вы меня поняли, Олег? Подумайте лучше сейчас и решите, уверены ли вы, что сумеете не обидеть ее. И если не уверены, то я закрою за вами дверь, и больше вы никогда рядом с Ирой не появитесь.

Жестеров внимательно посмотрел на жильца.

– Я вас не понимаю, – спокойно произнес он. – О чем вы говорите? Почему я непременно должен ее обидеть? Она что, жаловалась вам на меня? Она говорила вам, что я ее оскорбил, обидел? Извольте объясниться, уважаемый Георгий Сергеевич.

– Не кипятитесь, молодой человек, выслушайте меня спокойно. Я не знаю, рассказывала ли вам Ира историю своей жизни. Если рассказала, то вам и без того должно быть все понятно. Если же нет – просто поверьте мне на слово: она живет очень, очень трудно. Вы даже представить себе не можете, как трудно она живет. Да, вы правы, она голодает. Она спит по четыре часа в сутки, а то и меньше, она пьет пустой чай без сахара с черным хлебом, намазанным жутким дешевым маргарином. Она очень больна, хотя, судя по всему, не отдает себе в этом отчета. Вы видели ее лицо? Поверьте мне, это не от избытка здоровья. Она плохо одета, потому что

экономит каждый рубль. Она гордая девочка и почти никогда не принимает угощение, хотя я, видит бог, постоянно стараюсь подкормить ее, подсунуть ей кусок получше и посвежее. Я ей никто, человек посторонний, случайный. Как только моя бывшая супруга решит вопрос с разменом квартиры, я съеду отсюда. Но я хочу вас предупредить, что если, пока я еще здесь, я увижу, что Ира страдает из-за вас, я приму меры.

– Интересно, какие? – насмешливо спросил Жестеров.

Этот жилец ему нравился. Само направление разговора позволяло Олегу получить максимально необходимую информацию, нужно было только плавно вывести беседу на другого жильца, а значит, на «казанских».

– А вы знаете, кто еще живет в этой квартире? – ответил Георгий Сергеевич вопросом на вопрос.

– Не знаю. А кто здесь живет?

– Абсолютно криминальные личности. Ирочка этого, наверное, не знает, она мало бывает дома, зато я вижу и слышу очень многое, особенно по вечерам, когда она работает в «Глории». Но до нынешнего момента наша юная хозяйка для них персона неприкосновенная, потому что она ни разу не дала им повод подумать о себе... Словом, вы понимаете, что я имею в виду. Они тоже имеют сердце и, как ни странно, понимают, что такое добро и что такое зло. Поэтому, если вы Иру обидите, вам придется иметь дело даже не со мной, а с ними. Что я? Немолодой и не очень здоровый одинокий бухгалтер, вам меня бояться нечего. А эти Шамили, Тофики, Рафики и Ильясы – публика совсем иного сорта, смею вас уверить. И за свою хозяйку они вам глотку перегрызут.

Так, уже появились Тофики и Рафики. Это замечательно. Шамиль и Ильяс – жильцы, бывший и нынешний. Тофик – по всей вероятности Мамедов, тот еще фрукт. А Рафик? Это что-то новенькое. В материалах по разработке группы неуловимого Аякса никакой Рафик пока не значился. Надо об этом порасспрашивать Георгия Сергеевича.

– Господи, как их много! – шутливо поднял руки Олег. – И что, они все здесь живут?

– Нет, живет только один, Ильяс. Остальные – дружки, но бывают здесь регулярно. Что-то приносят, уносят, какие-то бумаги передают. Темная публика, одним словом. Не думаю, что вам понравится иметь с ними дело.

– Хорошо, Георгий Сергеевич, я вас понял и, в свою очередь, хочу вас заверить, что не собираюсь делать Ире ничего плохого. Напротив, я хотел бы, чтобы вы мне дали совет.

– Совет? – удивился жилец. – О чем?

– О том, как мне помочь Ире, не ущемляя при этом ее гордость и самолюбие. Я уже успел заметить, что к любому предложению помощи она относится очень настороженно и даже враждебно. Но вы знаете ее лучше и наверняка можете мне подсказать, как и в какой форме я могу сделать для нее что-нибудь хорошее и полезное.

– Вы действительно хотите помочь ей? – недоверчиво переспросил Георгий Сергеевич.

– Конечно. Я, правда, не очень богат, но кое-какие средства у меня есть, и если бы вы мне подсказали...

– Купите ей одежду. Вы сами видели, в каком старье она ходит. Ей ведь только двадцать лет, ей хочется выглядеть не хуже других девушек.

– Может быть, лучше давать ей деньги на продукты? Вы сами сказали, что она голодает.

– Это бесполезно. Если дать ей в руки живые деньги, она тут же побежит покупать что-нибудь для сестер и брата.

– Тогда, может быть, просто приносить ей продукты?

– Вы забываете, Олег, она отвыкла от хорошей обильной пищи. Если она от детской жадности начнет есть все, что вы ей принесете, дело действительно может кончиться больницей. У нее обмен, судя по всему, нарушился окончательно и бесповоротно.

– Тогда я не понимаю. Как же она может столько работать, если голодает? Она давно уже должна была слечь от слабости.

– А сила духа? А воля, целеустремленность? Вы недооцениваете Ирочку. Это поистине удивительное существо. У нее железная воля к победе, и эта воля поддерживает ее силы, не дает ей ослабеть окончательно. Повторяю вам, Олег, единственно полезное, что вы можете сделать для нее, это хорошая одежда. Главное – теплые вещи, она зимой мерзнет. Хорошая обувь, теплая и непромокающая. Поверьте мне, это будет лучше всего. Но я еще раз предупреждаю вас: если вы намерены облагодетельствовать ее на три дня и исчезнуть, лучше исчезните прямо сейчас. Я хочу, чтобы вы посмотрели на ситуацию открытыми глазами, молодой человек. Ира ни разу за то время, что я здесь живу, не приводила сюда мужчин. Полагаю, что она с ними и не встречалась, при ее образе жизни у нее нет на это ни сил, ни времени, ни возможностей. Если вы сейчас просто протянете руку и приласкаете ее, она мгновенно привяжется к вам, влюбится. Она будет счастлива. А вы? Зачем вам это нужно? Вы же не станете меня уверять, что она – красавица, о которой вы мечтали всю свою жизнь, правда? Она – бедная больная некрасивая девочка, обремененная четырьмя инвалидами, которые еще много лет будут висеть на ней мертвым грузом, как ни кощунственно это звучит. Она бесконечно порядочна и честна, но вместе с тем она необразованна и груба, дурно воспитана, у нее тяжелый характер. Вам все это очень быстро надоест. И что потом? Вы разобьете ей сердце. Разумеется, мои специфические соседи вас разыщут и объяснят вам, что вы не правы. Они люди темпераментные, а понятие женской и мужской чести у них развито хорошо, поэтому, полагаю, после их объяснений вы упокоитесь с миром. И кому от этого будет хорошо? Ире? Вам? Нет. Поэтому я еще раз настоятельно прошу вас, Олег, не делайте опрометчивых шагов, пока еще можно отступить. Я надеюсь, отступить еще можно?

Он пристально посмотрел Олегу прямо в глаза, и от этого взгляда Жестерову стало не по себе.

– Разумеется, – пробормотал он. – Я подумаю над тем, что вы сказали.

– Передать Ире, что вы приходили? Или не нужно?

– Не нужно. Я же обещал вам подумать.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Георгий Сергеевич. – Я рад, что вы меня поняли и мы нашли общий язык. Я провожу вас.

Любопытный тип этот Георгий Сергеевич. Вон как бросился свою хозяйку защищать! Смех и грех. Но результатами встречи Олег Жестеров был очень доволен. Во-первых, он легализовал свое появление в квартире Иры Терехиной. Во-вторых, он узнал о том, что в команде «казанских» есть какой-то неучтенный Рафик, которым следовало немедленно заняться. И в-третьих, Георгий Сергеевич сам дал Олегу в руки повод познакомиться с Ильясом. Повод чистый, абсолютно без риска и хорошо проверяемый. Прийти к Ильясу и спросить:

– Слушай, я тут с твоей хозяйкой немножко... Того... А у вас там сосед какой-то странный, стращать меня начал, дескать, ежели что не так, так он тебя с друзьями на меня натравит. Давай уж сразу по-мужски поговорим, чтобы потом не было мучительно больно.

Не подкопаешься. Георгий Сергеевич в любой момент подтвердит, что Олег с ним разговаривал именно об этом. И Ира подтвердит, что он за ней ухаживает. Если этот разговор построить тактически грамотно, то через два часа максимум они с Ильясом станут корешами. А тут уж и до знакомства с Тофиками-Рафиками недалеко.

* * *

Понедельник был плотно набит всякими мероприятиями научного и организационного характера, и ему пришлось перенести визит Веры на вечер. Несколько раз в течение дня она звонила ему в кабинет и капризно спрашивала, когда можно приходиться. Беда в том, что проце-

дуру можно было делать только натошак, поэтому обычно он старался принимать Веру в первой половине дня, чтобы не мучить ее голодом. Но сегодня никак не получалось. Был, правда, почти двухчасовой перерыв между совещаниями и заседаниями, но в это время по графику лаборатория была занята.

Около семи часов к нему в кабинет заглянул техник.

– Валерий Васильевич, я выключаю установку или вы еще будете работать на ней?

– Выключай, – кивнул он, не поднимая головы. – Только ключи мне оставь, я завтра с утра приду пораньше.

Через десять минут техник принес ключи от лаборатории, попрощался и ушел. Выждав немного, он достал из несгораемого шкафа контейнер, вышел из кабинета, открыл лабораторию, снова включил установку и вставил контейнер в специальное окошко прибора. Он не хотел, чтобы все вокруг знали, что он принимает больных во внерабочее время. Руководством это не поощрялось.

Вера ворвалась к нему в кабинет, вся перекошенная от гнева.

– Ну, можно наконец делом заняться? – почти кричала она. – Я сейчас в обморок упаду от голода!

– Не кричи, пожалуйста, – спокойно заметил он. – Я же предлагал тебе перенести осмотр на завтрашнее утро. Я, милая, на службе нахожусь, а не в гостях у бабушки, и своим временем не всегда могу располагать.

– Как это на завтра? – возмутилась Вера. – Ты же сам говорил, что все предписания врача нужно выполнять точно и аккуратно. Если положено сегодня – значит, сегодня. А вдруг у меня там какая-нибудь болезнь развивается? Сегодня ты ее заметишь, а завтра уже поздно будет. Нет уж, уволь. Пошли скорее в лабораторию, потом я наконец съем что-нибудь, а то мне уже дурно.

– Верочка, – мягко сказал он, – я ценю твое отношение к моим рекомендациям, но во всем должна быть мера. Я осматриваю тебя регулярно и уверяю тебя, пока никаких оснований для беспокойства нет.

Они уже стояли в лаборатории, и Вера поспешно раздевалась, прежде чем лечь на каталку, которая автоматически ввезет ее в камеру.

– А я слышала, что есть такие болезни, которые развиваются... как это... а, вспомнила. Ураганно. За несколько часов. Вдруг у меня что-нибудь такое будет? Сегодня ты это увидишь и примешь меры, а завтра, может быть, уже и сделать ничего нельзя будет.

– Успокойся, пожалуйста, – он начал раздражаться от ее глупости. – Если на тебя свалится ураганное развитие болезни, то это может с равным успехом случиться и на следующий день после осмотра. Не паникуй. Раздевайся и ложись на каталку.

«Она действительно будет сумасшедшей матерью, – думал он, привычно переодеваясь, опуская защитный экран и включая приборы. – Что ж, это неплохо, значит, ребенка вырастит хорошего».

Вернувшись в кабинет, Вера немедленно полезла в сумку, достала бутерброд с сыром и большое красное яблоко и с наслаждением вонзила в сочную мякоть фрукта свои крупные белые зубы.

– Да, зайчик, я хотела с тобой поговорить. Только ты не пугайся.

– Чего я должен пугаться? – Он недоуменно повернулся к ней, оторвавшись от журнала, в котором делал запись.

– Олег, мой муж, хочет, чтобы ты проконсультировал какую-то его знакомую девушку. Ты ее примешь?

– Да ты что, с ума сошла? – зашипел он, отшвыривая в сторону авторучку и захлопнув журнал. – Как это твой муж меня просит? Он что, все знает о нас?

– Не психуй ты, – спокойно отозвалась Вера, с аппетитом жуя бутерброд. – Он прекрасно знает, что я наблюдаюсь у врача, и не абы у какого, а у самого лучшего, у которого только

московская элита лечится. А как ты думал? Я и это должна была от него скрывать? Наоборот, я всячески подчеркиваю, что к тебе очень трудно прорваться, что ты с трудом берешь новых пациентов, поэтому я должна приходить к тебе тогда, когда ты мне назначаешь, даже если мне или моему мужу это неудобно, иначе ты вычеркнешь меня из списка своих больных. Ты – человек занятой, и если ты назначаешь мне на восемь или девять вечера, то я должна безропотно идти. Ты что же, полагаешь, мне легко бегать к тебе на свидания по вечерам?

– Ты уверена, что он ничего про нас не знает? – спросил он уже спокойнее.

– Абсолютно. Олег уверен, что ребенок – от него.

– А вдруг это хитрый ход? – снова забеспокоился он.

– Какой ход? Что ты выдумываешь?

– Вдруг он что-то заподозрил или видел нас с тобой вместе и теперь ищет повод, чтобы познакомиться с соперником?

– Ой, ну прямо-таки! – расхохоталась Вера. – Повод ему нужен, как же. Да если б он хоть краешком сознания что-то заподозрил, ты бы сейчас здесь не сидел. И без всякого повода. В этой конторе порядки крутые, как при Сталине. Это во всей России перестройка, а у них там не Россия, а отдельное государство, вроде Ватикана в Риме. И перестройки там никакой не было, можешь мне поверить.

– А что за девица? Родственница?

– Нет. Просто знакомая.

– Верочка, ты меня удивляешь, – он уже настолько справился с собой, что даже смог улыбнуться. – Какие это у женатого мужчины, без трех месяцев отца, могут быть «просто знакомые»? Твой муж начал от тебя погуливать, а?

– Да ладно тебе, – она деловито завернула огрызок яблока в салфетку и сунула обратно в сумочку. – Нет, правда, проконсультируй ее. Что тебе, жалко? Олежка говорит, она какая-то совсем несчастная, нищая, дворником работает. Уж не знаю, где он ее нашел, но с ней-то он точно погуливать не будет.

– Почему ты так решила?

– У нее все лицо в прыщах. Смотреть страшно.

– Даже так? Ты что же, видела ее?

– Нет, Олег сказал. Так ты примешь ее?

– Я не понимаю, Вера, зачем ты так стремишься это устроить. Я, например, совсем не рвусь встречаться с твоим мужем лицом к лицу. И мне не стыдно сказать тебе, что я этого страшусь. Мне только интересно, почему ты этого не боишься? Или ты получаешь особое удовольствие, наблюдая встречу мужа и любовника? Я знаю, это свойственно многим женщинам, это приятно щекочет им нервы. Но я, милая моя, не женщина и щекотать себе нервы таким способом не собираюсь. Скажи своему Олегу, что я отказал, сославшись на занятость.

Вера быстро поднялась со стула, на котором сидела, и устроилась у него на коленях. Запустив пальцы в его волосы на затылке, она другой рукой принялась гладить его по щеке.

– Ты глупый, ты ничего не понимаешь, – тихонько заворковала она. – Наоборот, это будет очень хорошо, если он с тобой познакомится. Во-первых, он убедится, что я действительно регулярно посещаю именно врача, а не любовника. Во-вторых, он будет знать тебя в лицо как моего врача, поэтому если где-то нас случайно увидят, я всегда могу честно сказать, что встречалась с тобой. Что страшного, если женщина на улице или в метро встречается со своим врачом, чтобы взять, например, рецепт? Самое нормальное дело. И потом, не забывай, с такими врачами у пациентов завязываются деловые отношения. Пациенты в благодарность за лечение начинают устраивать дела своих врачей, поэтому поводы для встреч бывают связаны уже не только с болезнями. И по телефону я потом смогу разговаривать с тобой без опаски. Все должно быть легально и открыто, это самое лучшее. Подумай сам, мы с тобой знакомы меньше года, а сколько намучились из-за того, что надо постоянно скрываться! Я надеюсь, мы в бли-

жайшие годы не расстанемся, ведь у нас с тобой будет ребенок, так неужели ты хочешь, чтобы мы всю оставшуюся жизнь так дергались? Ты официально станешь врачом моим и нашего ребенка и будешь иметь право приходить к нам в любое время без каких бы то ни было липовых и надуманных объяснений.

– Ну хорошо, – сдался он, – допустим, я ее приму. Но ведь ты сказала, что она работает дворником. Мои услуги стоят дорого, ты это прекрасно знаешь. Или твой муж полагает, что я по знакомству буду консультировать и лечить ее бесплатно?

– Об этом не беспокойся. За все будет заплачено.

– Нет, милая, это меня не устраивает. Ты знаешь, я очень внимательно отношусь к своим клиентам и стараюсь не связываться с сомнительными личностями. Что это за юная дворничиха, за спиной у которой стоят кредитоспособные спонсоры? Мне это не нравится. Я не желаю, чтобы люди, связанные с мафией, переступали порог этого кабинета.

– Ой, да не связана она ни с какой мафией! – с досадой воскликнула Вера. – Обыкновенная несчастная девчонка, родственница кого-то из сослуживцев Олега. У них в конторе зарплаты приличные, так что за лечение тебе заплатят. Ну, примешь ее?

– Ладно, – вздохнул он. – Пусть приходят.

– Когда?

– Сейчас посмотрю, что у меня со временем.

Он мягко отстранил Веру и потянулся за органайзером, куда тщательно вписывал все назначенные мероприятия, встречи, консультации, приемы больных.

– Давай в пятницу, в двенадцать тридцать. Только предупреди, чтобы не опаздывали, у меня в час дня консилиум, и я вынужден буду уйти, даже если консультация к этому времени только начнется. Пусть даже придут чуть пораньше, в крайнем случае подождут в коридоре.

– Спасибо тебе, зайчик.

Вера горячо поцеловала его в губы и заторопилась домой.

Дверь за ней давно закрылась, а он так и сидел неподвижно, уставившись ничего не видящими глазами в одну точку. Спустя некоторое время он почувствовал острую боль в ладони. Переведя недоумевающий взгляд на свои руки, он понял, что одним резким жестом сломал карандаш, который крутил в пальцах, и теперь острые края судорожно сжимаемого обломка впились в кожу ладони. Когда он сломал карандаш? Он этого и не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.